

ЛИЧНОСТЬ В ВОДОВОРОТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ИМПЕРАТИВЫ XXI ВЕКА

This article deals with the problem of personality. The author assumes that the modern state of the society is characterized by the crisis of the rationality. It means that the role of ideologies on the other world outlook's systems is reduced. The person can't use the rational of his behavior in this conditions. This situation is not satisfying for the normal development of the society. That's why the main purpose of our society is the increasing the rational element in social life. Moreover, the returning of rationality must be attended with the development of human potential in the wide sense. The realization of this aim is very important for the real progress of the society and for the maintaining of humanistic ideals.

Стаття стосується проблеми особистості. Автор вважає, що сучасний стан суспільства характеризується наявністю кризи раціональності. Це означає, що значення ідеології або інших світоглядних систем зменшується. Людина в цих умовах не здатна користуватися раціональними мотивами у своїй діяльності. Така ситуація є незадовільною для нормального розвитку суспільства. Тому головна задача нашого суспільства полягає у підвищенні раціонального елементу у суспільному житті. Більш того, повернення до раціональності повинно супроводжуватися розвитком людського потенціалу в широкому сенсі. Реалізація цієї мети дуже важлива для дійсного прогресу суспільства та досягнення гуманістичних ідеалів.

Ключевые слова: гуманитарный потенциал, разум, мудрость, идеологический кризис, человеческая парадигма.

По оценке многих аналитиков и прогнозистов, XXI век – эпоха глобальной социальной трансформации, которую предстоит пережить мировому сообществу на волне технологических и социокультурных перемен, столь же важных и судьбоносных для человечества, как индустриальная и демократическая революции.

Мир сегодня вступил в новую эпоху, связанную с гуманитарно-инновационной революцией, которая требует формирования единых целей для всех стран в планетарном масштабе: приумножение *гуманитарного потенциала* и развития связанных с ним отраслей вложений в *человека* – главный *гуманитарный потенциал*. Как подчеркивает академик В.П.Семиноженко, человек стал не абстрактной ценностью, а основой всех видов политики [1].

Большинство исследователей сходятся на том, что основанием социологического изучения социальной реальности в новой исторической ситуации становится *человеческая парадигма*. Однако человеческая парадигма социально-исторического процесса имеет много измерений. Будущее цивилизации, как полагают многие исследователи, связано с возрастанием *личностного*, разумного и творческого начала в социально-преобразовательной деятельности общества, что наиболее полно и адекватно репрезентирует общество как социальный организм и в полной мере соответствует гуманистическому идеалу. Рисуя сценарий будущего, один из ведущих специалистов России по глобальным проблемам современности Г.Г.Дилигенский, учитывая складывающиеся в реальной жизни тенденции, обосновывает универсально-гуманистический, по его определению сценарий, как адекватный глобальной характеристике новой цивилизации, которую он именует антропогенной. Нам представляется, что в этом сценарии отражена реальная тенденция развития современного мира, связанная с утверждением человеческого измерения общественных процессов. Однако антропогенная парадигма не в полной мере, на наш взгляд, раскрывает сущность современного этапа гуманизации общественно-исторического процесса в эпоху глобальной социальной трансформации, которую открывает XXI век на волне технологических и социокультурных

Сохань Лидия Васильевна – доктор философских наук, профессор, главный научный советник при дирекции Института социологии НАН Украины (г.Киев)

перемен. Она в своей дефиниции не содержит указания на те социальные качества человека, которые лежат в основе новой модели развития социального мира. Ближе к этому подходят концепции, учитывающие вступление человечества в эпоху господства *разума*. Данная идея вытекает из культурно-исторической традиции и видения перспектив развития человечества, присущей многим культурологическим системам. Она опирается на идею образования ноосферы, выдвинутую в конце прошлого столетия В.И.Вернадским, и фиксирует тенденции современного социального процесса и его возможных перспектив. Эта высшая стадия универсально-гуманистического, пользуясь выражением Г.Г.Дилигенского, сценария не отвергает, а аккумулирует в себе и техногенез, и антропогенез, и социогенез, однако имеет и свое специфическое качество – укрепление разума в человеческих деяниях, в жизнедеятельности общества, что в полной и высшей мере соответствует ипостаси человека, как существа разумного – *Homo sapiens*. Эта парадигма, как выражение подлинно человеческого основания общественно-исторического процесса, находит определенное отражение как в политическом, научном, так в известной мере и обыденном сознании. Неслучайно призывы к разуму рефреном звучат во многих политических речах, присутствуют в футурологических исследованиях, закладываются в фундамент экономических и политических решений, как на глобальном, так и региональном уровнях. Отклонения от этого вектора, еще весьма и весьма значительные в нашей сегодняшней жизни, вызывают те или иные деформации в общественной системе или ее подструктурах, влекут за собой принятие неразумных решений и свершение абсурдных действий, выплескиваются в актах социального вандализма, уродуют не только гражданскую, публичную, но и частную и личную жизнь значительного количества людей [2].

Вопрос о роли разума в человеческой жизни – это не просто интеллектуальная проблема. В условиях глобальных изломов в исторической жизни человечества и индивидуальных жизненных долях людей разум выступает как социальная сила, призванная удержать человека от фатальных действий. Утверждение разума как основания гражданской, частной и личной жизни людей предполагает более глубокую синхронность в разворачивании процесса перемен в бытии людей, их жизнеустройстве и их сознании. Решения и действия, исходящие из разумных оснований и соображений, должны иметь своим результатом установление *разумных порядков*, а в этих условиях может полнее и многограннее разворачиваться личностный потенциал каждого члена общества. При таком развороте событий будут радикально меняться и способы участия граждан в делах общества, характер и смысл их притязаний на сопричастность истории. По мере возрастания разумного начала в жизнеустройстве мира и социальном поведении людей как акторов социальной и индивидуально-личностной жизнедеятельности, можно ожидать, как более или менее вероятное, сокращение неконструктивных, в том числе экстремистских, форм выражения активности индивидов, групп.

Процесс гуманизации социальной жизни, утверждение разумного начала в культуре и менталитете общества серьезно осложняет идеологический кризис, связанный с возникновением идеологического вакуума (который совсем не безопасно заполнять религиозной идеологией или мифами о деидеологизации современных обществ), когда потерпела крах и официально отторгнута марксистская идеологическая доктрина, и место, ранее занятое ею, оказалось пусто. Это подтверждают, в частности, данные всеукраинского мониторинга (1994-1999гг.), проведенного Институтом социологии НАН Украины: еще в 1995г. значительная часть респондентов (40%) ощущала крах политических идеалов, заслуживающих поддержки; в 1997г. так считали уже 42%; а в 1999г. – 48%. Мировоззренческая опустошенность в условиях неустойчивых новых канонов, новой веры усиливает отчаяние миллионов людей, которые пытаются переосмыслить общественные и личные жизненные перспективы, создать заново систему позитивных жизненных целей [3].

Незрелый идеологический плюрализм ослабляет все политические силы, действующие на политическом плацдарме, и одновременно негативно сказывается на сознании и повсед-

невном поведении граждан. Неясность социальной перспективы, социальное неблагополучие общества, неуверенность в завтрашнем дне, ослабление, а у значительной части общества потеря доверия к институтам власти, веры в возможность цивилизованного выхода из кризисной ситуации – все это духовно и нравственно деморализует людей, особенно пагубно сказываясь на молодом поколении. Растет преступность, наркомания, неудовлетворенность условиями и качеством жизни. Как показывают социологические исследования, проводимые в Украине, эта тенденция усиливается.

Для того чтобы осуществлять разумное, социально-зрелое поведение человек должен знать мир, в котором он живет, в том числе и общество, частью которого он является. Но исторические обстоятельства в нашем обществе сложились таким образом, что нашему обществу не хватает способностей получать объективную картину относительно себя и своей жизни и выдавать в мир неискривленную информацию о себе. Эту ситуацию Лина Костенко в своем эссе “Гуманитарная аура нации, или дефект головного зеркала” называет “дефектом головного зеркала”. Она обоснованно поднимает вопрос о необходимости создания гуманитарной ауры Украины. При этом особенную роль с полным на то основанием отводит человеку. “Демократия тем и хороша, что при демократии не государство разрушает человека, а человек строит государство и самого себя, и свою достойную жизнь, и гуманитарную ауру своей нации”.

В сложившейся ситуации ключевой гуманистической задачей нашего общества, всех его социальных институтов (государства, системы образования и воспитания, семьи и т.д.) является повышение *качества человеческого потенциала*, и в первую очередь развитие интеллектуального, разумного начала в его структуре. В системе подзадач, с которыми синхронизирует эта высшая гуманистическая цель, можно обозначить:

- обеспечение необходимого качества и уровня жизни населения Украины, значительно ухудшившегося по всем показателям в условиях малоэффективных, бессистемных перемен в обществе;
- улучшение физического, психического и нравственного здоровья людей – показатель, по которому наша страна серьезно отстает от мировых достижений (ситуацию в Украине усложнила Чернобыльская авария);
- минимизация психологических издержек перехода к новой системе общественных отношений, основанных на рыночных механизмах: разрастание преступности, коррупции и других противоправных явлений, а также противодействие проникновению рыночного менталитета во все сферы гражданской и частной жизни людей, что порождает опасную редукцию всех социальных отношений к денежным;
- обеспечение условий для развития человеческого потенциала *каждого* члена общества.

Новый уровень социального развития, основанный на современных научно-технических достижениях, тотальной информатизации остро нуждается в одаренных личностях, мыслящих не ординарно, обладающих потенциальными возможностями для творческого решения самых сложных задач. Именно с этим индустриально развитые страны связывают новый виток экономического и социального прогресса цивилизации XXI века, что диктует необходимость радикального переосмысления концепции образования и воспитания, а также более динамичной практической переориентации социальной политики государства и всех образовательных и воспитательных институтов в соответствии с новыми императивами.

В своем выступлении в Верховной Раде Украины 22 февраля 2000 года президент Украины не случайно сосредоточил внимание на том, что следует позаботиться о создании максимально благоприятных условий, которые позволяли бы замечать задатки, сильные стороны и неординарные качества людей, которые поддерживать, развивать и раскрывать их на всех ступенях становления личности. “Именно на такие, подходы, – сказано в выступлении, – требуется перенацеливать нашу систему образования, которая пока что больше сориентирована на нивелирование будущих граждан” [4]. Развитие индивидуальности каждой личности должно стать новым признаком, приоритетом школы XXI столетия.

Разумное, социально-зрелое поведение предполагает наличие у человека такого высо-

кочтимого во все времена и у всех народов качества как мудрость. Мудрость, полагал мудрец древности Сократ, – царица неба и земли. Она служит для человека духовным ориентиром в сложном, противоречивом мире, она уберегает его от падения в пропасть в трудных жизненных ситуациях, она позволяет сохранить человеческое достоинство в любых жизненных перипетиях и испытаниях.

Мудрость, по глубокому определению итальянского философа Николло Аббаньяно, существует для жизни, и она должна быть включена в жизнь и использована в ней. Философу принадлежит мысль о том, что мудрость “должна стать настоящей техникой для проживания жизни”, и поиск мудрости не может сходить на нет без того, чтобы человек не становился орудием инстинкта и насилия.

Определенная ступень мудрости всегда была необходима для выживания человека и спасала его от уничтожения, иллюзорной экзальтации и коллективного отчаяния, во всех испытаниях его исторической и индивидуальной судьбы. Можно признать, что переживаемый современным человеком кризис ценностей в определенной мере связан с распространением скептицизма в отношении мудрости, девальвацией ее в шкале личностных достоинств человека.

Высшее проявление мудрости – знание человеком не только мира, в котором он живет, но самого себя. Это знание у мудрого человека носит *конструктивно-творческий* характер, оно имплицитно включает установку на *самосовершенствование, саморазвитие*. “Во мне, – признавался Л.Толстой, – все пороки, и в высшей степени: и зависть, и корысть, и скупость, и сладострастие, и тщеславие, и честолюбие, и гордость... Все, все есть, и в гораздо большей степени, чем у большинства людей. Однако мое спасение, что я знаю это и борюсь, всю жизнь борюсь”.

Человеку, внутренне присуще стремление к росту и развитию. Мудрый человек это стремление своей натуры, своей души рационально направляет на возвышение и обогащение своей личности, ориентируя себя на полноту своего личностного самовыражения в социально значимых формах жизнедеятельности.

Выражением мудрости является способность человека соблюдать определенную *меру* во всех своих жизненных проявлениях. Мудрец древности Гораций полагал, что “первое условие мудрости – освободиться от безрассудства”. Это чрезвычайно трудная задача, ибо, как замечает Николло Аббаньяно, надежда и страх, любовь и ненависть, экзальтация и депрессия, сострадание и жестокость, ярость и изнеможение во всех своих градациях и формах сегодня обычно считаются состояниями, к которым неизбежно ведут жизненные перипетии, и, следовательно, частями жизни, которые нельзя опустить. Будучи “частями жизни”, они, тем самым, являются и частями человеческой психологии. Каким же должно быть отношение человека к его страстям? “Мудрость состоит не в том, чтобы подавлять наши страсти, а в том, чтобы заставлять их содействовать нашему счастью” (С.Дюбе). Этому высокому искусству каждому надлежит учиться, учиться не только в школьные годы, но в течение всей своей жизни.

В условиях трансформации украинского общества особое значение приобретает формирование у человека новых жизненных стратегий, жизненной компетентности, усиление гибкости и мобильности социального поведения. Данные социологических исследований показывают, что такая модель поведения, стержнем которой является “установка на себя”, наиболее характерна для молодой генерации.

В обществе, которое трансформируется, происходит существенная перестройка системы социальных ценностей, при этом данный процесс достаточно сложный и небезболезненный. В этих условиях достаточно усложняется социализация молодежи, процесс вхождения ее в социум. Если раньше молодежь опиралась на опыт предыдущих поколений, то теперь молодые люди осваивают и творят новый социальный опыт, полагаясь прежде всего на себя.

Исследователи отмечают определенные сдвиги в ментальности нового поколения, которое стремится прежде всего к успешной самореализации. Обратимся к данным опроса,

проведенного среди старшекласників України 1996-1997 годов¹. Главной целью исследования было изучение жизненных ориентаций молодежи, представление о жизненном успехе и способах его достижения, которые присущи поколению, стоящему на пороге самостоятельной жизни. У школьников на первом месте стоит понимание успеха, как "полного воплощения в жизнь собственных способностей" (42%). Далее отмечена ценность "доброего здоровья в продолжении всей жизни" (38%) и "семейного счастья" (37%). Молодежь также высоко ценит "счастливую любовь" (31%), в массовом же сознании – это явно периферийная ценность (всего 7%). При этом следует отметить, что наименьшее количество выборов получило представление про успех в жизни как "результат удачного стечения жизненных событий" (лишь 7%). Молодежь четко выявила ориентацию на личные усилия в достижении своих целей. Отвечая на вопрос: "От чего зависит Ваше будущее?" – 69% опрошенных отдали предпочтение собственным способностям, воле, уменью. Лишь 16% полагают, что их будущее зависит от того, смогут ли они использовать наличные обстоятельства для осуществления своих стремлений. Всего 5% думают, что решающую роль в том, как сложится их будущее, играют благоприятная или неблагоприятная ситуация в обществе. Сравнительно низко оценивается ценность "достижения высокого служебного, делового, гражданского статуса" (19%). Довольно мало и желающих добиться успеха, выполняя "полезную для общества деятельность, высоко оцениваемую людьми" (17%) [5].

Из данных исследования, естественно, возникает вопрос: каким же образом собирается молодежь полностью воплотить в жизнь собственные способности, если ценность личностных достижений и общественно-полезной деятельности их не привлекает? Предполагается, что имеет место внутренняя несогласованность между желанием самореализоваться и неопределенностью способов достижения этого.

В новых условиях как жесткий императив выступает требование формирования жизненной компетентности у всех членов общества, как условия самоосуществления личности в соответствии с требованиями и духом своего времени.

Литература:

1. Семиноженко В.П. "У світі відбулася гуманітарно-іноваційна революція" // Урядовий кур'єр – 22 травня 2000р. – с.4-5.
2. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. – К. – 1994.
3. Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. – К. – 1999. Див. також: Соболева Н.І. Тенденції трансформації соціальної міфології в масовій свідомості населення України. В кн.: Українське суспільство: Моніторинг соціальних змін (1994-1999рр.). Інформаційно-аналітичні матеріали. – К. – 1999. – с.144.
4. Кучма Л.Д. Націю звеличують великі цілі і діла. – К. – 2000. – с.16.
5. Злобина О.Г. Життєві цінності та пріоритети молоді людини // Мистецтво життєтворчості особистості. – К. – 1997. – с.147-168.

¹ В исследовании было опрошено 605 учащихся 10-11 классов различных школ, из них: 390 – учащиеся лицеев и гимназий; 215 – старшекласники обычных образовательных школ. Одновременно с анкетированием среди школьников аналогичные вопросы были включены в общереспубликанский опрос. 1200 респондентов, репрезентовавших население Украины, должны были определить, как они представляют себе успех человека в жизни. Выбор надо было осуществлять, выбирая не более пяти позиций из предложенных 14 альтернатив. Сопоставление данных дало возможность сравнить ориентации молодежи с общественнопризнанными приоритетами.

ДИНАМІКА СОЦІАЛЬНИХ УЯВЛЕНЬ ОСОБИСТОСТІ В КОНТЕКСТІ
СУСПІЛЬНИХ ЗМІН

The article considers the dynamics of goals and values of people, their condition in the social world.

The author notices that the contemporary sociology studies personality more as an object of transformation and less as a subject of changes, it investigates the adaptation of people toward a new reality. There is certain sense in the mentioned attitude of researches witness that despite the determination to move toward the best patterns of civilized countries, the majority of people is not prepared for the independent actions aimed at the transformation of life. The article is based upon empirical data of the monitoring conducted by the Department of Social Psychology of Institute of Sociology NAS Ukraine from 1994.

У статті зазначається, що сучасна соціологія насамперед вивчає особистість як об'єкт перетворень, вивчається адаптація людей до нової реальності. Дані емпіричних досліджень свідчать, що незважаючи на те, що суспільство налаштоване рухатися до кращих цивілізаційних зразків, готовність більшості до активних самостійних дій по перетворенню життя досить низька. У статті наводяться емпіричні дані моніторингу відділу соціальної психології Інституту соціології НАН України з 1994 року.

Ключові слова: соціальні уявлення, цінності, реальна поведінка, бажане майбутнє.

Поміж суб'єктів соціальних трансформацій, до яких соціологи передусім відносять різноманітні соціальні інститути, групи, організації, мало фігурує особистість як суб'єкт суспільних перетворень. Хоча вплив "людського фактора" на трансформаційні процеси не заперечується, в соціологічних дослідженнях він переважно розглядається в контексті змін, що відбуваються в масовій свідомості.

Йдеться, певна річ, не про те, що соціологи обминають проблему особистості взагалі. Скоріше навпаки, найбільш цікаві дослідницькі проекти постперебудовного часу, скажімо вивчення динаміки ціннісних орієнтацій населення або аналіз впливу суспільних трансформацій на зміни соціальних ідентичностей, присвячені саме проблемам людини в кризовому суспільстві [1;2;3]. Проте вектор дослідження спрямований від суспільства до особистості, яка розглядається радше як об'єкт перетворень, ніж як їх суб'єкт. Акцент робиться на адаптації людей до нової суспільної ситуації.

По суті це розвиток напрямку, започаткованого У.Томасом і Ф.Знанецьким, які обрали предметом дослідження вивчення суб'єктивних характеристик членів соціальної групи, поєднавши аналіз внутрішніх детермінант з реальною поведінкою суб'єктів. Аналізуючи поведінку конкретних людей в радикально змінених суспільних умовах, вони виявили кілька типових особистісних орієнтацій: на збереження звичного способу життя і усталеної системи орієнтирів; на спонтанне пристосування і хаотичні перетворення несприятливої ситуації; на свідоме переструктурування самої ситуацію так, щоб зробити її сприятливою.

Соціальні типи, які було виділено під час аналізу адаптації польських селян до американського способу життя, втілювали універсальні особистісні стратегії пристосування. Проте прямі аналогії між тогочасною і теперішньою соціальними ситуаціями неможливі. Якщо У.Томас і Ф.Знанецький вивчали адаптацію до кардинально нових для людей, проте досить стабільних суспільних умов, сьогодні дослідники мають справу із змінами соціальних ситуацій на рівні способу життя, які в ієрархії ситуацій В.Ядова належать до найбільш усталених [4, с.22-23]. Не випадково, що таку увагу дослідників викликали саме зміни ціннісних орієнтацій, які в диспозиційній структурі особистості пов'язані саме з

Злобіна Олена Геннадіївна – старший науковий співробітник відділу соціальної психології Інституту соціології НАН України (т.: (044) 291-63-71)

ситуаціями, що відображують спосіб життя.

Вплив особистості на суспільство розглядається при такому підході в найбільш узагальненому вигляді. Як зазначає Л.Гордон, між тими, хто свідомо приймає тягар тимчасових труднощів в очікуванні бажаних змін і тими, хто змирився з їх неминучістю, хоча в глибині душі жалкує за минулим, немає істотної різниці, бо обидві ці категорії населення так чи інакше пристосовуються до суспільних перетворень, “що відкриває перспективу надбання новим ладом усталеності...” [5, с.5].

Отже, увага соціологів концентрується переважно на вивченні впливу суспільства на особистість. Виходячи з того, що соціальна реальність – це постійна взаємодія об’єктивних і суб’єктивних процесів, досягнути яку можна лише, аналізуючи такі компоненти реальності, які тісно пов’язані з об’єктивністю і водночас є складовими суб’єктивної картини світу, соціологи прагнуть за виразом Ч.Кулі “уявити уявлюване”. Тому не випадково їхню увагу прикуто до динаміки цілей і цінностей людей, їхніх очікувань і оцінок свого становища в соціальному світі.

Проте більшість досліджень такого спрямування відчутно перебільшує раціоналізованість поведінки людей. Насправді їхня загальна життєва стратегія визначається насамперед не конкретними ціннісними орієнтирами, які спрямовують поведінку на рівні соціальних ситуацій середнього рівня, а вельми розмитими соціальними уявленнями про реальне і бажане, в яких почасти переважають емоційні ставлення і непослідовні оцінки.

Причому саме такі соціальні уявлення в умовах суспільних перетворень значним чином скеровують процес трансформацій, стають первинним матеріалом для побудови нових орієнтирів розвитку суспільства.

Можна припустити, що найбільш узагальнена суб’єктивна оцінка суспільних перетворень міститься в уявленнях людей про життя взагалі як цілісність. Соціологи здебільшого концентрують увагу на проблемі задоволеності життям, яка розкривається через фіксацію суб’єктивних оцінок дефіциту, котрий відчують люди при задоволенні своїх життєвих потреб. Проте, якщо нестачі матеріальні можна виміряти і зафіксувати досить точно, то нестачі суто психологічні, коли людина втрачає почуття своєї особистісної значущості чи відчуває, що її життя втрачає керованість, виявити засобами соціологічних досліджень досить складно. До того ж рівень життя, який влаштовує одних людей, водночас зовсім неприйнятний для інших. Тому виявити рівень задоволеності життям в цілому можливо лише через співставлення образу реального життя з образом бажаного життя.

Цей образ бажаного життя утворюється з складного переплетення ситуативних оцінок і загальних цінностей, переживань депривацій і уявлень про можливості, усвідомлених бажань і несвідомих орієнтирів, які втілюються в найбільш узагальнені оцінкові конструкти, такі як “погане – добре”, “необхідне – зайве” і т.п. Він виступає певним орієнтиром, який скеровує конкретну поведінку пересічної людини.

Водночас соціальні уявлення про бажане життя стають компонентами масової свідомості і в такий спосіб впливають на хід загальних трансформаційних процесів. Зауважимо, що перебудова соціальної реальності відбувається не тільки внаслідок прийняття необхідних рішень на рівні законодавчої і виконавчої влади. Ці рішення в кращому випадку лише відкривають нові можливості діяльності, але не спричиняють особистісну діяльність як таку. Аби реально змінити свою поведінку, люди мають відчуті власну зацікавленість, тобто визначити, чи відповідає той чи інший крок їх життєвим орієнтирам. Тільки коли у масовій свідомості укорінюються типові соціальні уявлення про те, яким має бути життя, поворот соціальної активності в бік перетворень стає масовим.

В ході моніторингу, який проводить відділ соціальної психології Інституту соціології НАН України з 1994 року¹, було здійснено спробу простежити, як змінюється картина життя населення країни і яким є теперішнє уявлення людей про бажане життя. Емпіричне

¹ Емпіричний етап дослідження базується на всеукраїнській вибірці, розробленій соціологічною службою “Соціс-Геллап”. Вибірка репрезентативна за ознаками статі, віку та освіти населення України.

дослідження почалося в період, коли деструктивні процеси в суспільстві були вже досить добре виражені. Відчутно змінилося і життя людей. Тогочасна оцінка соціальних змін базувалася переважно на конструкті необхідності. Лише 17% респондентів вважали в 1994 році, що попереднє життя їх повністю влаштовувало і необхідності в змінах не було. Причому думки про майбутнє країни займали людей помітно більше, ніж думки про особисте майбутнє (відповідно 58% і 44%). У масовій свідомості панувала ситуація невизначеності щодо оцінки суспільних трансформацій, 44% респондентів вважали, що не можуть пояснити для самого або для інших те, що відбувається в країні.

Картина життя була тісно пов'язана з суспільством доперебудовним. Йому віддавали перевагу 50% респондентів, в той час як трансформаційне суспільство беззастережно сприймали лише 11% опитаних. На питання про те, що з минулого респонденти вважали б за необхідне зберегти чи відновити в сучасному і майбутньому житті, на першому місці була дружба народів (51%), на другому – СРСР як єдина держава (28%), на третьому – військова могутність країни (18%), на четвертому – державна власність на засоби виробництва (16%).

Через п'ять років ставлення до атрибутів минулого майже не змінилося, хоча дещо зросло бажання повернути військову могутність країни (26%) і відновити державну власність на засоби виробництва (23%).

Оцінка суспільних перетворень з точки зору нових можливостей, які відкривалися перед людьми, свідчила, що інтерес до них був не вельми значним і не виступав в якості реального поштовху до зростання масової активності в бік їхнього використання, а отже, і не спричиняв активізації самих перетворень силами індивідуальних соціальних суб'єктів.

Зазначимо принагідно, що оцінка привабливості нових можливостей з роками або не збільшувалася, або навіть зменшувалася. Наприклад, можливість стати приватним власником приваблювала у 1994 році 13% опитаних, а в 1998 році лише 5%. Єдина позиція, оцінка якої дещо зросла (від 11% до 15%), це можливість дати кращу освіту дітям.

Практично не змінюється і оцінка пристосованості до теперішнього життя. За останні три роки кількість тих, хто активно включився в нове життя і вважає ринкові відносини природним способом життєдіяльності, становить 7%, група тих, хто перебуває в постійному пошуку себе в житті, охоплює 37% респондентів, а тих, хто не бажає пристосовуватися до теперішньої ситуації, живе як прийдеться і чекає змін на краще – 47%.

Тобто, різні суб'єктивні компоненти комплексної характеристики життєвої ситуації практично не зазнали за останні роки суттєвих змін. Який же "образ життя" складається з цих та інших складових?

Насамперед звернемося до образу життя реального. За даними 1999 року людей, які цілком або переважно задоволені своїм теперішнім життям, серед опитаних 13%. Ще 25% зазначили, що задоволені і незадоволені однаково, а решта – 61% – повністю або переважно незадоволена своїм життям. Лише 1% не зміг визначитися з відповіддю. Що ж стоїть за цією задоволеністю, або незадоволеністю? Ми вважаємо, що це почуття народжується внаслідок співпадіння або неспівпадіння картини реального, нормативного і бажаного життя.

У 1998 році перед респондентами було поставлене запитання про те, як вони могли б охарактеризувати своє теперішнє життя? Переважна більшість респондентів (52%) відповіли, що навряд чи можна назвати їх життя нормальним, вони скоріше не живуть, а виживають. Тобто реальне життя не тільки не наближається до ідеалу, який втілюється в образі бажаного життя, а навіть не відповідає уявленню про соціальну норму.

Інша половина респондентів або перебуває в рамках уявлень про норму, тобто відповіли, що живуть нормальним життям, в якому є як добре, так і погане (12%), або намагається, незважаючи на труднощі, утриматися в цих рамках, тобто зазначили, що живуть досить складно, проте поки що долають труднощі (34%). Досить характерним є дуже висока визначеність респондентів у відповідях на це запитання. Лише 2% респондентів зазначили, що їм важко відповісти на це питання.

Як бачимо дані практично повністю кореспондують одне з одним. Кількість задоволених (13%), віддзеркалює кількість тих, хто живе нормальним життям (12%). Кількість тих, хто намагається утриматися в рамках нормального життя близька до тих, хто задоволений і незадоволений рівною мірою, і нарешті незадоволені життям, це ті, хто вважає своє життя ненормальним. тобто задоволеність виникає лише тоді, коли забезпечуються умови нормальності. Водночас відчуття нормальності життя виникає, коли життєвий світ людей не зазнає відчутних деривацій.

Відповідно емоційна палітра сучасних соціальних уявлень насичена негативними компонентами. До речі ця емоційна складова образу життя є не менш раціональною, ніж когнітивна. Вона також базується на оцінках, просто ці оцінки є не результатом міркувань, а відбитком неприємних чи приємних переживань.

Які ж почуття найчастіше виникають у людей, коли вони думають про своє життя? Відчуття того, що життя йде нормально, мають на сьогодні лише 3% респондентів. Впевненість в собі відчуття того, що життя залежить переважно від них самих, притаманно 11%. Надія на те, що життя поступово зміниться на краще, присутня в соціальних уявленнях 35% опитаних. Це так би мовити позитивна емоційна складова "образу життя".

Негативні переживання притаманні людям набагато сильніше. Відчуття страху перед майбутнім має 37% респондентів, незадоволеність життям, відчуття його ненормальності відмітили 36%, 33% відчувають безвихідь, неспроможність самотужки покращити своє життя. Так само поширене і роздратування тим, що теперішнє життя людей не влаштовує (33%). 29% найчастіше думають про своє життя з тривогою, їх непокоїть передчуття погіршення, небажаних змін.

Тобто, коли ми говоримо, що люди переживають складні часи, це не метафора, а абсолютно точна фіксація реального стану справ. Люди дійсно переживають, причому переживання ці мають переважно негативний відтінок. Показово, що таких, хто не задумується над своїм життям, живе як прийдеться, лише 7%.

Відповідно до оцінок реального життя формується і уявлення людей про майбутнє. Проте, на відміну від образу реального життя, образ життя майбутнього скоріше не переживається, а саме уявляється. Дві головні складові, біля яких формується цей образ – це надія (52%) і тривога (51%). Інші ж емоційні компоненти відчутно "згорнуті" порівняно з образом теперішнього. Скажімо безвихідь відчувають лише 16% опитаних, розгубленість і песимізм по 9%, впевненість – 6%.

Незважаючи на певну узагальненість образу майбутнього життя, люди мають певний орієнтир бажаного життя, тобто уявляють, як би вони хотіли жити, якщо виходити з їх власних бажань. В дослідженні 1999 року респондентам було запропоновано обрати свій варіант з семи можливих моделей бажаного життя.

Найбільш привабливим виявляється варіант "Хотів би жити так, як живуть люди в сучасних культурних, цивілізованих країнах". Його обрало 44% опитаних. Це репрезентація в масовій свідомості ідеалу, так би мовити, "в чистому вигляді". Бажане, яке досить далеко відстоїть від реального. Не випадково переважна більшість тих, хто обрав такий варіант, вважає, що навряд чи за їхнього життя Україна зможе в економічному відношенні досягти рівня розвинених країн світу.

"Жити не гірше за інших" бажало б 21% респондентів. Це радше орієнтація на "нормальне", а не на "ідеальне" життя. До цієї ж групи належать і 8% тих, хто вважає, що їхнє життя має бути таким, як у більшості людей. Очевидно "норма" тут пов'язана скоріше не з теперішнім, а з минулим, зберігається орієнтація на "зрівняння", типове для радянських часів. Не випадково така позиція найбільше поширена серед представників старших вікових груп.

Протилежною є орієнтація "жити на власний розсуд", яку обрало 9% респондентів. Сюди ж тяжіє група тих, хто хотів би жити "краще за інших" (3%) і тих, хто своїм життям хотів би "вирізнитися серед інших людей" (2%). Це інший ідеальний образ життя, який орієнтується на індивідуальні, а не на колективні досягнення, модель, яка в цілому тяжіє

до західних стандартів.

Ті 10% респондентів, які вважають, що життя визначається не уподобаннями, а долею, на перший погляд виглядають типовими екстерналами, які уникають особистісної відповідальності за своє життя, проте і серед них частка тих, хто пов'язує сподівання на реальне поліпшення життя з власними зусиллями така ж, як у вибірці в цілому. Можливо, маємо респондентів з вираженою екстернальністю невдач, яка поєднується з інтернальністю досягнень.

Таким чином, виразно вимальовується співвідношення головних орієнтацій на бажане життя. Група тих, хто вважає, що бажане життя стане реальним завдяки особистісним зусиллям, намагається будувати його "на власний розсуд" і прагнуть "жити краще за інших". Сукупна величина цієї групи становить 14%, її складають переважно люди у віці до 45 років. Можна припустити, що саме до цієї групи належать представники креативного соціального типу по У.Томасу і Ф.Знанецькому.

Частка тих респондентів, хто впевнено орієнтується на минуле і вважає, що життя має бути таким, як у більшості, не така вже й велика (лише 8%), тому їхня позиція вже не справляє істотний вплив на хід суспільних трансформацій.

Основна група, яка орієнтована на ідеал, близький до західних стандартів, однак не вірить, що його можна досягти. Саме цей образ бажаного є визначальним для характеристики сучасного стану масової свідомості. Люди прагнуть жити добре, проте не вірять, що це станеться за їхнього життя, сподіваються на краще і бояться погіршення одночасно. До цієї ж групи близькі і ті, хто хотів би "жити не гірше за інших". Вони також прагнуть кращого, але не готові його виборювати.

Така картина бажаного майбутнього суперечливо впливає на реальний перебіг трансформаційних процесів. З одного боку, вона засвідчує, що суспільство налаштоване рухатися до кращих цивілізаційних зразків, психологічний опір змінам здебільшого подолано, суспільство відмовилося від зразків минулого. З іншого, така орієнтація свідчить, що готовність більшості до активних самостійних дій по перетворенню життя досить низька. В суспільстві панує психологічна ситуація, котру можна позначити як позицію "ні опору, ні допомоги". Якщо знов звернутися до У.Томаса і Ф.Знанецького, можна зауважити, що соціальний тип філістайна поки що перебуває в стадії сприйняття нових зразків. Він має умовний і досить розпливчастий образ бажаного життя, який ще не став спонукою активних дій.

Література:

1. Динамика ценностей населения реформируемой России. — М.: Эдиториал, 1996.
2. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А.Ядова // РАН, Институт социологии. Вып. 1. — М., 1993.
3. Социальная идентификация личности. Вып.2. Кн. 1-2 / отв. Ред. В.А.Ядов // РАН, Институт социологии. — М., 1994.
4. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. — Л.: Наука, 1980.
5. Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования, 1994, — №8-9.

ФЕНОМЕН СОЦІАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНОЇ ЗАЛЕЖНОСТІ ОСОБИСТОСТІ І
ПЕРСПЕКТИВИ СТВОРЕННЯ ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

The author argues that civil society is built upon the principles of activity and independence of all social subjects of social process. The author articulates the indicator of democratical transformations, namely, the emancipations of a personality from a state, and demonstrates the logic of relationships of dependence in the state specific for Ukraine.

Unfortunately, the respect toward the institutes of democratic state on the level of actions has not been formed and stimulated yet. Consequently the level of dependence on state has not been decreased. The article is based upon the results of sociological researches conducted by the Institute of Sociology NAS Ukraine in December 1996 and October 1999.

У статті зазначається, що громадянське суспільство будується на принципах активності та незалежності усіх соціальних суб'єктів суспільного процесу. Автор підкреслює, що показником демократичних перетворень є саме емансипація особистості від держави, і демонструє логіку відносин залежності в державі, що склалася сьогодні.

Нажаль, у суспільстві не достатньо формується та заохочується поважне відношення до засад демократичної держави на дійовому рівні. Внаслідок цього ступінь залежності від влади не зменшується, а, навпаки, зростає.

У статті використовуються результати соціологічних досліджень, що проводилися Інститутом соціології НАН України у грудні 1996р. та жовтні 1999р.

Ключові слова: громадянське суспільство, залежність, особистість, влада.

Розвиток будь-якого цивілізованого суспільства має передбачати поступовий рух уперед, інакше суспільство позбавлене будь-якої позитивної логіки існування. Трансформація нашої держави сьогодні ставить на меті побудову демократичного устрою, сформованого на засадах громадянського суспільства.

Формування громадянського суспільства передбачає "специфічну сукупність суспільних комунікацій та соціальних зв'язків, соціальних інститутів та соціальних цінностей, головними суб'єктами якого є: громадяни зі своїми правами та громадянські (не політичні і не державні) організації, асоціації, об'єднання, суспільні рухи та громадянські інститути..." [1, с.8].

Подібний устрій потребує формування певних взаємин в суспільстві – активності та незалежності усіх соціальних суб'єктів суспільного процесу, у тому числі таких агентів соціальної взаємодії як держава, носії владних повноважень, з одного боку, та пересічні громадяни, члени даного суспільства, з іншого.

Специфіка цих взаємин, на наш погляд, має свідчити про соціальне здоров'я держави, демократичний устрій суспільства, є показником соціально-активної позиції його членів, можливості їх якомога повної самореалізації, самоповаги до себе як до повноправних членів суспільства. Вона може свідчити про стабільність соціальної системи в цілому або, навпаки, вказує на певні негаразди та проблеми в суспільстві.

Відтак, для розуміння соціальної ситуації в суспільстві, пошуку оптимальних шляхів вирішення проблем подолання кризи в державі, на наш погляд, дуже важливим є розуміння того, як формується та набувається певний соціальний досвід, в яких формах він виявляється і яким чином сформована стратегія відносин суспільства і індивіда впливає на успішність існування в певних соціальних умовах.

Спробуємо продемонструвати логіку відносин залежності в державі, що склалася сьогодні.

Нас зацікавили проблеми, пов'язані з тим, наскільки людина сьогодні відчуває свою

Бойко Наталя Леонідівна – провідний психолог відділу соціальної психології Інституту соціології НАН України (т.: (044) 291-63-71)

особистісну залежність від зовнішніх обставин у цілому і від владних структур зокрема, і як це ставлення може впливати на нинішню ситуацію в суспільстві.

Для демонстрації тенденцій ми використовуємо результати соціологічних досліджень, що проводилися Інститутом соціології НАН України за сприяння соціологічної служби "Социс-Геллап" у грудні 1996р. та жовтні 1999р. Об'єктом дослідження була вибірка з 1200 осіб, що репрезентували доросле населення України. Зауважимо, що за ознаками статі, віку, освіти, національності відмінності між вибірковою та генеральною сукупностями були в межах 5%. Зваживши на ці характеристики, можна зробити припущення, що думки наших респондентів, в основному, відбивають картину думок населення України в цілому.

Відповіді на пряме питання стосовно впливу влади на особисте життя наших громадян "Наскільки Ваше життя залежить від того, хто складає правлячу еліту?" демонструють велику залежність життя від влади.

Таблиця 1.

Оцінка залежності життя від владної еліти

	1999	1996
Дуже залежить	45.2	38.2
Достатньою мірою залежить	35.3	37.1
Мало залежить	6.7	9.3
Практично не залежить	9.7	7.5
Важко відповісти	3.3	8.0

Приблизно 70% респондентів вважають, що їх життя значно залежить від того, хто складає нашу правлячу еліту. Причому спостерігається позитивна динаміка зростання цієї залежності. Якщо у 1996 році на максимальну залежність вказувало 38.2% опитаних, то у 1999 році позитивну відповідь дали 45.2% респондентів. Спостерігаються також вікові розбіжності у відповідях на це питання. Так, опитані студенти, тобто молоді люди віком від 16 до 23 років, демонструють найнижчий відсоток за цим показником 21.33 %.

Однак, як позитивну тенденцію, можна відмітити, хоч і незначне, зростання тієї групи респондентів, які вважають, що їх життя практично не залежить від того, хто складає нашу правлячу еліту. Якщо у 1997 році відсоток тих, хто вказував на практичну незалежність складав 7.5%, то у 1999 році це вже 9.7%. Тобто зростає група людей, які пристосовуються до життя у постійній трансформації, відмежовуючись від стрімких і занадто динамічних процесів державотворення. Зауважимо, що з часу проголошення незалежності, тобто з 1991 року, кількість змінених урядів в країні досягла позначки 8. Середня кількість знаходження прем'єрів при владі складає в середньому 11.5 місяців. (2) Сьогодні при владі вже дев'ятий уряд країни. Це, звичайно, не сприяє стабілізації ситуації та підвищенню авторитету влади. Але, не зважаючи на негативне ставлення населення до правлячої еліти в цілому – більшість населення відчуває байдужість, образу та ворожість по відношенню до правлячих кол, – об'єктивні умови не призводять до зміни ситуації залежності, а сприяють нарощенню цього відчуття.

Переважає більшість населення продовжує вбачати у владі силу, здатну цілком розпоряджатися долею інших. І її наділяють таким правом, сподіваючись, що вона вирішить усі проблеми. І очікують цього навіть попри об'єктивне розуміння можливостей та реалій наявної ситуації.

Наведені дані свідчать про переважання екстернального підходу в усвідомленні людиною наявної ситуації.

На ситуацію залежності впливають багато чинників. Це і нестабільність ситуації в країні сьогодні, і вплив вже сформованих у минулому особливостей відносин з державою.

Відзначимо, що суспільство переживає період трансформацій. Порівняно з періодом

стабільного функціонування суспільства, здатного на прояв у відношенні до людини свого роду патерналістських функцій, сьогодні ситуація змінюється. Здійснюється розпад старих інституціональних структур, які регулювали взаємини в суспільстві, а відсутність нових правових інститутів визначає певну стихійність поведінки. У соціальний процес сьогодні повинна включатися не просто "адаптивна модель", а "діяльнісна модель" особистості. Сьогодні рушійні сили суспільства переміщуються на інший рівень. Це перш за все соціально-психологічний та особистісний рівні, тобто рівні активності, свідомості та поведінки реальної людини. Успішність її реалізації визначається і регулюється соціально-психологічними законами, як найбільш глибинними та стійкими механізмами.

Треба зазначити що особливості взаємин індивіда та суспільства, держави та громадян, розуміння цих взаємовідносин сьогодні набувають нового змісту. Але такі відносини не створюються миттєво.

Особливості засвоєння соціального досвіду індивідом мають велике значення для подальшого успішного існування в суспільстві.

Відповідно до загальносоціальних та групових програм поведінки в конкретній державі складаються автономні, особистісні регулятори поведінки, які дозволяють людині визначати та вибирати саме ті способи поведінки, які "вписуються" позитивно у суспільну динаміку соціальних зв'язків та взаємодій, що відповідають конкретним соціально-історичним вимогам.

Особливості інтеріоризації людиною соціального досвіду – засвоєння "стійкої стратегії поведінки", багато в чому зумовлює успішність існування в суспільстві. Виходячи з того, як людина поводить себе в суспільстві, можна робити висновок про особливості сформованого соціального самоконтролю, тобто інтеризованого нею механізму взаємодії в суспільстві.

Підтвердженням таких вертикальних зв'язків є те, що показник залежності від владних структур виявився тісно пов'язаним з таким соціально-психологічним показником, як локус контролю. Коефіцієнт кореляції Спірмена склав – 0.42, значимість на рівні 1%. Зауважимо, що особливості прояву локусу контролю, який ми взяли, як показник соціально-психологічного рівня, є важливою характеристикою, яка обумовлює результат процесу соціалізації та адаптації особистості, являється показником усвідомлення реальних регулятивних механізмів, детермінуючих соціальну поведінку та очікування людини.

Локус контролю можна визначити як міру, в якій людина сприймає своє життя як контрольоване власними зусиллями та діями або контрольоване ззовні, зовнішніми силами. Локус контролю являє собою узагальнене очікування того, в якій мірі людина контролює своє життя. В загальному вигляді локус контролю означає схильність людини – як індивіда і як представника певної культури – приписувати відповідальність за важливі події свого життя переважно самому собі (інтернальний локус контролю) або різним зовнішнім факторам – іншим людям, об'єктивним зовнішнім умовам (екстернальний локус).

Люди з екстернальним локусом контролю вважають, що їх успіхи та невдачі регулюються зовнішніми факторами, такими як доля, удача, щасливий випадок, впливові особи та незавбачені сили оточення. Екстернали вірять у те, що вони заручники долі. Навпаки, люди з інтернальним локусом контролю вірять в те, що удача або невдача визначаються їх власними діями та здібностями (тобто, внутрішніми факторами). Інтернали, таким чином, відчують, що вони в більшій мірі впливають на своє життя.

Відзначимо, що це не чисті типи, а скоріше полюси певного ставлення до життя.

Екстернали та інтернали відрізняються не тільки по своїй впевненості відносно того, де знаходиться джерело контролю їх поведінки. Локус контролю дозволяє зрозуміти певні соціально-психологічні детермінанти поведінки. Екстернали сильніше підвладні соціальному впливу, гірше адаптуються. Вони більш конформні, більш підвладні авторитетам та залежні від суспільства, від соціальної ситуації в цілому. Екстернали менш терпимі та більш нетерплячі в ситуаціях подолання. Їх емоційна нестабільність часто супроводжується незадоволенням своїм життям та положенням в суспільстві. Інтернали більш впевнені в своїй спроможності вирішувати проблеми. Головний компонент структури інтернальності

впевненість в тому, що людина може все. Все, що відбувається з нею, залежить від її особистої активності, спроможності контролювати ситуації та творчо реалізовувати себе.

Відповіді на питання: Від чого залежить Ваше життя? – яким фіксувались певні тенденції орієнтації локус контролю (зовнішні або внутрішні) виявили ті ж саме тенденції залежності.

Таблиця 2.

Динаміка тенденції локус контролю (%)

	1999	1996
Від зовнішніх обставин	21.9	19.3
Переважно від зовнішніх обставин, деякою мірою від мене	23.4	25.3
Рівною мірою від мене і від зовнішніх обставин	27.3	29.6
Переважно від мене, деякою мірою від зовнішніх обставин	14.7	17.3
Від мене	10.2	8.5
Не відповіли	2.5	—

Таким чином, можна відзначити, що:

1. більшість людей сьогодні відчуває значну залежність свого життя від зовнішніх обставин і, зокрема, від правлячої еліти;
2. фіксується позитивна динаміка цих залежностей;
3. показовим є те, що ступінь залежності від владних структур пов'язаний з переважанням певного локусу контролю людини, що вказує і на соціально-психологічну природу подібної залежності. Це демонструють наведені дані, які визначають, що ступінь залежності від влади зменшується при переважанні інтернального локусу контролю і пропорційно зростає з посиленням зовнішнього локусу контролю.

Виявлені в дослідженні тенденції сприйняття соціальної ситуації, особливості масової свідомості, специфічні соціально-психологічні риси, вироблені особливості регулятивної системи, сформовані певним соціальним механізмом і сьогодні продовжують впливати на поведінку людей в державі, їх очікування. Труднощі адаптації людини до нових реалій пов'язані з особливостями ситуації, що склалася сьогодні, коли об'єктивно людина вірить та сподівається, в основному, на себе (35% - 47% за різними опитуваннями). Але суб'єктивно сформовані особливості взаємовідносин з державою, функціонуючи на рівні особистісних диспозицій, продовжують впливати на поведінку, відношення до існуючої в суспільстві ситуації, проблем та можливостей їх вирішення.

Результати такої залежності можуть призводити до формування феномену вивченої соціальної безпорадності. Сутність його полягає в тому, що досвід суб'єкта, якщо він свідчить про те, що його дії ніяким чином не впливають на хід подій і не мають бажаних результатів, посилюють очікування невідконтрольності суб'єктові результатів його діяльності. Внаслідок цього виникає потрійний – мотиваційний, когнітивний та емоційний – дефіцит. Мотиваційний дефіцит виявляється в гальмуванні спроб активного втручання в ситуацію. Когнітивний – у труднощах подальшого навчання того, що в ситуаціях реально підконтрольних суб'єктові може виявитись ефективним. Емоційний дефіцит виявляється у виникаючому через безплідність особистих дій пригніченому стані.

Таким чином, вироблений одного разу дефіцит очікування щодо впливу на події буття приводить до дії феномен вивченої безпорадності – зрушень в очікуваннях, особливостях прояву відповідальності та контролювання подій. Чим більшу відповідальність за події свого життя людина покладає не на себе, а на інших, тим менше вона матиме змогу справлятися зі своєю участю самотійно [3, с.110].

Звичайно людина з такими характеристиками навряд чи зможе стати активним суб'єктом суспільного процесу здатним до самореалізації. І перспектива формування за таких умов демократичних засад в суспільстві набуває характеру "ілюзорної рожевої

мрії”.

Змінити психологію залежності від держави, яка закладалась і підкріплювалась роками, миттєво неможливо. Проблема змінення свідомості залежності, розбудови нового типу відносин в державі, формування внутрішнього усвідомлення відповідальності за свою долю, дії та вчинки набуває нового ракурсу та неаби якої актуальності. Таким чином, проблема формування демократичного устрою в суспільстві є проблемою не тільки зміни формальних державних структур, це проблема створення певних умов для формування нових відносин в суспільстві.

Показником демократичних перетворень є саме емансипація особистості від держави, скорочення простору прямого командного впливу держави, формування незалежної свідомості громадян держави. Це передбачає наявність вільних, економічно незалежних, самостійних та самосвідомих громадян. Взаємини “влада-громадяни” мають носити суб’єкт-суб’єктний, а не суб’єкт-об’єктний характер і передбачають рівність партнерів взаємодії.

Нажаль сьогодні у суспільстві не достатньо формується та заохочується поважне відношення до засад демократичної держави на дійовому рівні. Не актуалізується на необхідному рівні вирішення проблеми формування громадянина демократичного суспільства. Ні соціальна, ні економічна, ні психологічна ситуація в країні сьогодні не сприяє і не стимулює достатньою мірою до подібних змін. Держава всіляко дає зрозуміти людині, що вона не спроможна і не повинна виступати опорою для своїх громадян, що треба покладатися тільки на себе, а не сподіватися на “доброго дядю”. Таким чином, пропонується зовсім новий для нашої держави тип взаємовідносин. Але нові відносини “влада-громадянин” потребують і змінення усіх агентів цього процесу, корегування форм і методів цих взаємин, і що мабуть, найголовніше, змінення психології їх ставлення одне до одного. Розуміння цього потребує формування кардинально інших взаємовідносин в державі, змінення характеру цих взаємин (між державою та суспільством, владою та громадянами):

1. встановлення відносин повноправних та незалежних партнерів соціальної взаємодії;
2. формування активних суб’єктів соціального процесу з наданням рівних прав для всіх агентів взаємодії;
3. виконання законів усіма членами суспільства, порушення яких має призводити до однакових санкцій для усіх порушників без винятку;
4. встановлення “прозорих” горизонтальних відносин в суспільстві, розвиток ефективної системи “зворотнього зв’язку”;
5. формування двостороннього контролю за діяльністю агентів взаємин;
6. формування довіри та взаємоповаги між агентами взаємодії;
7. виховання самоповаги громадян до себе як до найбільшої цінності в суспільстві, що передбачає, передовсім, змінення засвоєних соціально-психологічних установок стосовно взаємин в державі.

Саме соціально-активний, свідомий, поважаючий себе громадянин здатен спонукати владу до активних демократичних перетворень, до удосконалення, позитивного розвитку в суспільстві. Невирішеність цього питання багато в чому визначає негативний перебіг перетворень в усіх сферах життя суспільства.

Необхідність формування інноваційної моделі взаємовідносин в суспільстві - це запорука успішного розвитку нашої держави в цілому.

Література:

1. Гражданское общество: теория, история, современность / Отв.ред. З.Т.Голенкова. - М.: Издательство Института социологии РАН, 1999. - 165с.
2. Докладніше з урядовою динамікою можна ознайомитися у статті Шульги М.О., Бойко Н.Л. “Уряди України: соціологічний портрет владної еліти” у журналі “Соціологія: теорія, методи, маркетинг” № 3 за 1998 рік.
3. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2-х т. М., 1986. Т. 2.

ББК 60.56

УДК 316.346.32 - 053.6 (477.63)

Городяненко В.Г., Гилюн А.В., Швидкая Л.И.**ГОРОДСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА:
ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ**

This article is dedicated to studying of the older part of Dnipropetrovsk youth age contingent and contains the conclusions on scientific research "Dnipropetrovsk Youth: socio-cultural orientations, employment and unemployment, social protection and adaptation", which was carried out within the international project INTAS. The information about the character and the trends of employment and labour has been adduced, the outflow of young specialists from state sector to private sector has been marked. The classification of respondents over material criteria has been carried out, the dynamics of property stratification has been analyzed. The investigation results of Dnipropetrovsk youth's economical, political and material orientation have been given.

Стаття присвячена вивченню старшого вікового контингенту молоді м. Дніпропетровська і містить висновки дослідження "Молодь Дніпропетровська: соціокультурні орієнтації, зайнятість і безробіття, соціальний захист та адаптація", яке проходило у рамках міжнародного проекту INTAS. Наведені данні про характер і динаміку зайнятості і праці, відмічен відтік молодих фахівців з державного сектору у комерційні структури. Проведена класифікація респондентів за матеріальним критерієм, аналізується динаміка майнової стратифікації. Наведені результати по дослідженню економічних, політичних та інших орієнтацій молоді Дніпропетровська.

Ключевые слова: молодёжь, ценностные ориентации, занятость, материальный критерий, стратификация ценностей.

Молодежь всегда наиболее чувствительно реагирует на социальные изменения, в наибольшей мере является носителем новых взглядов, норм, жизненных стилей. Ее изучение позволяет не только полнее понять современные социальные процессы, но и предвидеть перспективы будущего.

Особый интерес вызывает изменение в социальном статусе, социально-культурных установках, ценностях и образе жизни молодежи. Большинство подобных исследований в СНГ посвящается изучению студенчества и выпускников средних школ. Гораздо меньше исследуется старший возрастной контингент молодежи.

Как оценивают свою жизнь в последние 9 лет и свои перспективы на будущее 25-летние жители крупного промышленного, научного и культурного центра Украины – города Днепропетровска? Как на различные стороны жизни молодежи повлияли макросоциальные изменения в Украине, совпадение важнейшего в становлении личности периода от 16 до 25-летия с радикальной трансформацией всех сфер общества?

С целью получения ответов на эти и некоторые другие вопросы учеными кафедры социологии Днепропетровского госуниверситета во второй половине 1999 года проводилось эмпирическое социологическое исследование "Молодежь Днепропетровска: социокультурные ориентации, занятость и безработица, социальная защита и адаптация". Исследование осуществлялось в рамках международного проекта INTAS (координатор проекта профессор Ливерпульского университета К. Робертс).

Городяненко Виктор Георгиевич – доктор исторических наук, профессор социологии, заведующий кафедрой социологии Днепропетровского государственного университета, председатель областной Социологической ассоциации Украины (т.: (0562) 46-22-30)

Гилюн Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социологии по науке Днепропетровского государственного университета (т.: (0562) 45-40-60)

Швидкая Лидия Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социологии по учебной части Днепропетровского государственного университета (т.: (0562) 45-40-60)

В настоящей статье анализируются данные, полученные методом интервьюирования 300 молодых людей г. Днепропетровска в октябре 1999г. Опрос проводился на территории двух (из семи) типичных для города районов: Ленинском ("район рабочего класса") и Кировском ("район среднего класса"). Из списков избирателей, подготовленных райисполкомами к проводившимся осенью 1999г. выборам Президента Украины, были выписаны фамилии и адреса всех 25-летних молодых людей, проживающих в названных районах города. Затем с помощью рассчитанного шага были составлены списки основных и запасных респондентов, подлежащих опросу. Интервьюирование по месту жительства осуществляли преподаватели, аспиранты и студенты-социологи Днепропетровского университета. Все это обеспечило формирование такой выборки, которая представляла собой микромодель генеральной совокупности.

Наше исследование зафиксировало важный в жизни молодых людей этап, когда в полной мере проявляется их стремление к самоопределению, формируется самостоятельный образ жизни. К своему 25-летнему рубежу подавляющее большинство молодежи завершает период учебы, получения профессиональной квалификации. Считается, что именно этот контингент молодежи открывает возрастной диапазон наивысшей трудовой и социальной активности.

Стремление к самоопределению, к обретению собственного статуса в бытовой сфере для основной массы молодежи связано с созданием семьи. Около половины 25-летних жителей Днепропетровска состоит в браке. Чуть более половины опрошенных отметили, что имеют своих детей. Большинство 25-летней молодежи проживает вместе с родителями, родственниками.

Социологический опрос засвидетельствовал, что почти третья часть респондентов обучалась в вузе, 55,0% имеет среднее специальное образование. 92,7% отметили, что имеют общее среднее образование. Подавляющее большинство получило его в общеобразовательной школе, 12,7% из всех опрошенных – в профессионально-техническом училище, 6,7% – в специализированной школе (лицее, колледже) с углубленным изучением дисциплин.

Около 40% опрошенных после школы окончили те или иные специальные курсы. Чаще всего это водительские курсы. Реже – компьютерные курсы, курсы секретарей-машинисток, референтов, бухгалтеров, парикмахеров, массажистов, закройщиков. Треть опрошенных отмечает, что полученное ими образование в полной мере соответствует настоящей работе, 14,3% – соответствует частично.

Среди тех, кто обучался в вузе, руководящей работой заняты 11,2%, интеллектуальной, творческой работой – 39,8%. Среди необучавшихся в вузе эти показатели значительно ниже – соответственно 4,5 и 13,6%. В то же время 9,2% респондентов, обучавшихся в вузе, остаются рабочими промышленности, 14,3% работают в торговле. Чаще всего это выпускники технических и технологических факультетов, которые в наибольшей мере сталкиваются сейчас с проблемой поиска работы по специальности.

Уже имеют какое-либо второе высшее образование 2,3% опрошенных. Как правило, это финансовое или экономическое образование, полученное на контрактной основе. Молодежь с более высоким образованием легче адаптируется к меняющейся ситуации на рынке труда. Не случайно 67% опрошенных отметили, что молодежи крайне необходима государственная поддержка в обеспечении возможности получения доступного, качественного образования. Еще 27,7% считают такую поддержку желательной. Эта позиция подтверждается и ответами на другие вопросы. Так, 50% однозначно, а еще 16,7% скорее всего согласны с мнением, что ныне очень важно получить образование и квалификацию для обладания профессией. Улучшить ситуацию в стране может не сокращение, а, наоборот, увеличение срока профессионального обучения молодежи, стимулирование и поддержка овладения второй, третьей профессией. Затраты на обучение значительно меньше, чем создание дополнительных рабочих мест, на профилактику и борьбу с правонарушениями.

О характере и динамике занятости исследуемого контингента молодежи свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1.

Характеристика занятости респондентов с 1991 по 1999 годы (в % к числу опрошенных). По каждому году респондент отмечал один преобладающий вид своей деятельности)

Виды основной деятельности	Г О Д Ы								
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Работал (-а) на полную ставку	12,7	20,0	27,3	43,7	51,0	56,0	63,7	66,7	61,7
Работал (-а) на неполн. ставку	3,0	2,3	1,7	1,0	1,7	2,3	3,7	3,3	3,7
Перебивался случайными заработками	1,3	1,3	1,7	2,3	4,0	5,0	4,7	5,7	6,3
Не работал	2,7	2,3	4,7	5,3	5,0	8,3	9,0	10,0	13,7
Служил в армии	1,0	5,7	8,3	7,7	3,0	0,3	0,3	0,7	1,0
Учился	78,1	55,3	51,7	32,7	27,3	21,3	12,3	7,3	6,0
Другое	1,3	3,1	4,6	7,3	8,0	6,8	6,3	6,3	7,6

Процент работающих на полную ставку (не менее 30-ти часов в неделю) после динамического роста с 12,7% (1991г.) до 66,7% (1998г.) в 1999 году понизился на 5 пунктов, что явилось отражением ухудшения ситуации на рынке труда.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о тенденции увеличения за последние четыре года в исследуемой когорте молодежи доли неработающих, перебивающихся случайными заработками, работающих на неполную ставку. Почти половина опрошенных (48,0%), отвечая на вопрос "Были ли Вы безработным более месяца?" – дали положительный ответ. Однако регистрировался в службе занятости только каждый пятый из них, получал пособие по безработице каждый пятнадцатый. В то же время следует отметить, что, будучи безработными, многие молодые люди имеют определенные заработки, как правило, в сфере теневой экономики.

О структурных изменениях в характере труда исследуемой когорты молодежи за изучаемый период свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2.

Характер первой и настоящей работы опрошенной молодежи (в % к числу опрошенных)

Характер работы	Первая работа	Настоящая работа
Свое дело	0,7	3,7
Семейный бизнес	0,7	2,0
Работа на гос. предприятии или в органах гос. управления	74,3	39,7
Работа в кооперативе или АО	5,0	4,7
Работа на частном предприятии с количеством сотрудников менее 5 человек.	4,7	8,0
Работа на частном предприятии среднего размера с количеством сотрудников 5-50 человек	5,7	12,3
Работа на крупном частном предприятии с количеством сотрудников более 50 человек	4,7	5,6

Можно полагать, что 4,3% опрошенных, не давших сведений о своей первой работе,

еще не имели ни одной оплачиваемой постоянной работы; 24,7% на момент опроса не имели постоянной работы.

Просматривается тенденция перехода молодых людей с государственных предприятий на работу в частные мелкие и средние предприятия, увеличивается количество имеющих свое дело или свой бизнес.

Чуть больше 7% респондентов считают, что их настоящая работа позволяет им обеспечить достаток семьи; 35,3% – обеспечить более или менее сносное существование; 25,0% – обеспечить физическое выживание; 4,3% – чувствовать удовлетворение от самого процесса работы; 3,0% чувствовать сопричастность к общественной жизни, полезность обществу.

Для большинства молодежи труд не является приоритетной ценностью. Молодой человек, который понимает, что от результатов труда его жизнь зависит слабо, теряет трудовую мотивацию. Свою ориентацию на материальную обеспеченность он не увязывает с дополнительными трудовыми усилиями. С утверждением: “В этой стране быть богатым – значит много работать” однозначное согласие высказали только 12% респондентов, 9,7% скорее согласны с ним, чем не согласны.

В то же время ушла в прошлое атмосфера государственного патернализма, когда работник знал, что государство всегда обеспечит его рабочим местом, хотя и с небольшим заработком. Новые условия постепенно формируют у молодых людей понимание того, что надо самому беспокоиться о своем благополучии, своем образовании и квалификации, о своей работе.

Все большая часть молодежи становится прагматичной, ориентированной на собственные силы и возможности. Ориентация на частную собственность влияет на ее поведение на рынке труда. Около 31% опрошенных 25-летних днепропетровцев однозначно согласны с мнением, что лучше работать на частную фирму, чем на государственную, еще 16,0% скорее согласны с этой позицией. С утверждением: “лучше работать на государство, чем на частного предпринимателя” однозначно согласны 12,7%, скорее всего согласны – 6,7% респондентов.

Особенностью нынешнего времени является довольно значительная занятость молодых людей официально незарегистрированной трудовой деятельностью. Официальной дополнительной занятости молодежь предпочитает занятость нерегламентированную, неофициальную, в “теневой экономике”. Регистрация своей экономической деятельности считается ныне очень сложным и невыгодным делом.

В процессе формирования независимого от родителей имущественного и жилищного статуса молодежь сталкивается с трудностями финансового плана. Только 17,7% респондентов ответили, что полностью удовлетворены своими жилищными условиями, 37,3% удовлетворены, но не в полной мере. Улучшить свои жилищные условия уже в течении ближайшего года надеется 11,7% опрошенных, в течении пяти лет – 40,3%. Остальные (почти каждый пятый) никаких надежд на приобретение собственного или улучшение имеющегося жилья не питают. На получение муниципального жилья надеются ныне немногие – только 2,0% опрошенных. Чуть больше молодежи (6,3% респондентов) верит в возможность получения ведомственного жилья. Многие надеются либо получить жилье в наследство (20,3%), либо купить его с помощью кредитов (40,0%).

Структура 25-летней молодежи Днепропетровска по уровню материального положения, по данным нашего опроса, в конце 1999г. была следующей:

- “нищие” – те, кому средств катастрофически не хватает – 13,0%;
- “бедные” – те, кому средств хватает на самое необходимое – 26,0%;
- “малообеспеченные” – те, кто “концы с концами сводит”, но материального благополучия не имеет – 30,0%;
- “обеспеченные” – те, кому средств на жизнь в основном хватает, но делать дорогие покупки оказывается затруднительным – 26,0%;
- “богатые” – те, кому средств хватает на все – 5,0%.

Эта структура по сравнению с распределением всего населения города выглядит более

благополучной. Однако расслоение и даже поляризация молодежи по уровню материального благосостояния происходит не менее динамично, чем имущественная стратификация взрослого населения. В этих условиях многие молодые люди стремятся найти дополнительные заработки, в том числе и в сфере теневой экономики, берут материальную помощь у родителей. На дополнительный заработок как источник ежемесячных доходов указали 16,0% опрошенных. Столько же респондентов получали социальные выплаты, размер которых очень небольшой. В то же время материальная помощь родителей, которую получает почти половина 25-летней молодежи города, более существенна по объему. Многие родители, в силу традиции и сложившихся обстоятельств, ограничивают свои потребности и пытаются помочь своим уже взрослым детям поддерживать жизненные стандарты.

Роль денег в обществе значительно возросла. В то же время наше исследование не подтвердило существующее мнение о том, что материальное благосостояние большинства постсоветской молодежи стало основной ценностью. Материальное благополучие считают для себя высшей ценностью 36,0% опрошенных.

Понижение жизненного уровня большинства молодежи сопровождается резким ухудшением условий и качества досуговой деятельности и отдыха, ухудшением доступности для нее социально-культурных благ. За последние перед опросом 12 месяцев половина исследуемой молодежи не проводила отпуск вне дома.

На перемены в сфере молодежного досуга влияют различные макро- и микросоциальные причины и условия как экономического, так и культурного плана. Обнищание значительной части молодежи в условиях затянувшегося экономического кризиса, резкое сокращение ассигнований в культуру и в социальную сферу страны в целом, коммерциализация досуга ограничивает доступ многих молодых людей к престижным формам проведения свободного времени. Проблемы, сопряженные с низкими доходами, влияют на досуг многих молодых людей, сильно обедняя его. В то же время то обстоятельство, что многие 25-летние днепропетровцы продолжают жить с родителями, в определенной мере позволяет смягчить "давление" низких доходов молодежи на ее досуг. Сказывается традиционная для нашего общества внутрисемейная финансовая поддержка, а также возможность пользоваться родительской собственностью (книги, теле- радиоаппаратура, автомобиль и др.). Многие из опрошенных, как уже подчеркивалось, отмечают свою материальную зависимость от родителей. Не удивительно, что досуг безработной и частично занятой молодежи не намного отличается от досуга молодежи, работающей на полную ставку.

Политические ориентации молодежи довольно четко отражают тенденции изменений в обществе, что связано с меньшей, по сравнению со старшими поколениями, "стереотипизацией" восприятия социальной реальности.

Участие молодежи в политической жизни зависит от формирования ее позиции по отношению к происходящим общественным процессам, от ее политических ориентаций. Совсем не интересуется политикой четверть опрошенной молодежи, 55,3% не очень заинтересованно относится к политике, 13,7% – довольно заинтересованно, 6,0% отметили, очень интересуются политикой.

Только 16,3% являются сторонниками тех или иных политических направлений. Больше всего среди них ориентирующихся на политические объединения центристской направленности, что обусловлено общим состоянием идейно-политической ориентации молодежи. Одновременно следует отметить, что левые политические силы тоже пользуются авторитетом среди определенной части молодежи (прежде всего, социально незащищенной). Можно также отметить такую характеристику современного молодежного электората, как нестабильность его политических позиций.

Довольно неоднозначным является отношение молодежи к распаду СССР. Положительно к этому относятся 10,7%; отрицательно 35,7%. Вариант "в этом есть и положительные и отрицательные стороны" отметили 41,0%. Затруднились ответить на этот вопрос 12,7%. Чуть больше 85% хотели бы, чтобы Украина развивала более близкие отношения со странами СНГ, почти столько же – с Западом. Близкие отношения Украины с Югославией поддер-

живают только 37,7%.

Исследование подтверждает мнение о низкой общей политической активности молодежи. Только 3,0% респондентов являются членами какой-либо партии или движения. Эта цифра является стабильной для украинской молодежи на протяжении последних лет. Клубы по интересам посещают 4,7%. Политические митинги, демонстрации и т.п. за последний год хотя бы один раз посетили менее 10% опрошенных. 44,0% опрошенных отметили, что нынешние политики больше заинтересованы в борьбе за власть, чем в благе страны.

Адаптируясь к современной жизни в обществе, молодежь формирует свои ценностные ориентиры, идеалы и моральные нормы. О структуре ценностей 25-летних днепропетровцев свидетельствует приведенный ниже перечень ценностей, отнесенных респондентами к категории высших по степени их личной важности (в % к числу опрошенных):

- семья – 70,7;
- дружба – 42,3;
- любовь к женщине (мужчине) – 42,0;
- честность и порядочность – 37,8;
- материальное благополучие – 36,0;
- любовь к ближнему, готовность помочь ему – 33,7;
- секс – 28,3;
- умение приспособливаться к жизни – 26,3;
- образование – 26,0;
- здоровый образ жизни – 25,7;
- свобода – 23,7;
- любимая работа – 23,6;
- межличностные отношения – 22,3;
- профессия, карьера – 21,3;
- общественная справедливость – 18,3;
- вера в Бога – 13,7;
- гуманизм – 12,0;
- уважение к закону – 9,7;
- способность перешагнуть через социальные, этические, моральные нормы ради достижения своих целей – 6,0;
- патриотизм – 4,3.

Как видим, трансформация общественной жизни в Украине вывела на первые места в структуре ценностей молодежи ценности личного уровня, которые направлены на обеспечение собственных потребностей в комфортном самочувствии. Через призму личных интересов у молодежи формируется качественно новое восприятие окружающего мира. «Совковые» ценности отошли на второй план.

Наше исследование зафиксировало существенные изменения, происходящие в молодежной среде во всех сферах: занятости, образовании, досуговой, бытовой, вызванные переходом к новым социально-экономическим условиям жизнедеятельности. Молодежь более успешно, чем взрослые адаптируются к изменяющимся социальным условиям. Однако не менее половины ее нуждается в конкретной социальной помощи и защите, которые государство может оказать, лишь активно взаимодействуя с общественными организациями и фондами.

ББК 60.55
УДК 316.35

Лантух А.П.

СТУДЕНЧЕСТВО – МАРГИНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Author studies the process of the development of student community in the first years of the Soviet Union.

This process is considered as marginal experience of formation of new social structure after the revolution.

The problem is investigated on the basis of census of Kharkiv students conducted in 1909 and 1923 by Statistical and Economical Seminar of Kharkiv University.

This rich empirical material allowed to investigate ways of formation of student community, its social portrait, political views, studying process, way of life, health conditions etc.

All these points indicate marginality of the given social group.

У роботі розглядається проблема становлення студентства у перші роки існування радянської влади (20-ті рр.). Автор, виходячи з особливого стану цієї соціальної групи в соціальній структурі суспільства, визначає її як маргінальну на підставі досліджень, які були проведені у 1909 та 1923 рр. статистико-економічним семінаром Харківського університету. Досліджуючи соціальний стан, шляхи поповнення студентства, їх образ життя, стан здоров'я автор робить висновок, що червоне студентство характеризувалося на той час ситуативною соціальною ідентифікацією, що є однією із ознак маргінальності.

Також автор свідчить і про сучасне студентство на прикладі кризи системи освіти, що є також ознакою маргінальності.

Ключевые слова: маргинальность, маргинал, ситуативная социальная идентификация, кризис, студенчество, кризис системы образования.

Маргинальность – это особое состояние социумного поля (англ. – margin). Оно указывает на то, что в рамках этого поля нарушается социальное равновесие и некоторые социальные группы или личности выталкиваются на его край (лат. – margo), порождая маргинальность как явление. Маргинальность, как отмечает английский социолог А. Хурани, означает, что в данном обществе возможна лишь ситуативная социальная идентификация индивидов вместо устойчивой идентичности; что индивиды или отдельные группы в состоянии принимать только внешние формы, которые определяют принадлежность к какой-либо национальности, религии или культуре, без действительного обладания ими. В силу этого у маргиналов отсутствует собственная система ценностей, они только имитируют чужую, и, в конце-концов, не принадлежат ни к какому сообществу [1, с.210-211]. Последние характеризуются пограничным положением между двух или более различных по сути культур и, как следствие, разорванностью, потерей бывших социальных связей, ломкой традиционных устоев, с одной стороны, и, с другой, усвоением новых связей и новой культуры с последующим вхождением в новую общность, имеющую иную систему координат этого социумного поля [2]. Этот процесс становится особо интенсивным в переходный период, которому присуще кризисность или патологичность состояния. А кризис – это массовое распространение дисфункций, т.е. угнетения, а иногда и деструкция функций, которые ответственны за нормальную репродукцию образцов взаимодействия. Поэтому воспроизводство маргинальности идёт в этот период в геометрической прогрессии, воспроизводя маргинала на разных уровнях.

Безусловным опытом маргинальности можно считать студенчество.

Студенчество – это не особый класс, не особая социальная, расовая или этническая группа. Это, до настоящего времени, довольно пёстрый конгломерат, который отражает все особенности тех социальных групп, откуда вышли его составные части. Он пёстрый и по своему социальному составу, и по возрасту, и по предшествующему образу жизни, и по предшествующим занятиям. Однако студенчество имеет два основных условия, которые

Лантух Алла Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и религиоведения Харьковского государственного медицинского университета (т.: (0572) 40-26-38)

его отличают от остальных социальных групп. Во-первых, это общий характер деятельности (учёба) и оторванность или обособленность студенчества и, во-вторых, большинство студентов – это приезжий контингент, не имеющий постоянного места жительства, постоянного источника существования, не имеющий, зачастую ни одного родного или близкого человека. в том месте, где приходится учиться.

Уже то место, которое занимает студенчество в социальной структуре общества, подтверждает его маргинальную природу. Ещё В.И. Ленин назвал студенчество “предынтеллигенцией”. Будучи оторванным от своей “социальной пуповины”, но не вошедшее ещё в состав интеллигенции, студенчество пребывает в статусе маргинала, ощущая на себе всё проявление этого временного, но весьма болезненного состояния.

Особенно наглядно это проявилось в первые годы советской власти, так как послереволюционный период нашего общества был призван решить одну из насущных задач советского развития, а именно, как выразился Н.И. Бухарин, штамповать интеллигентов, как на фабрике, но таких, которые работали бы на коммунизм. Этой задаче была подчинена вся система высшего образования, которая досталась от старого режима и которая перестраивалась в эшелоне движения к намеченной цели. Естественно, чтобы разрешить эту жизненно важную задачу в ход пускались все средства и ресурсы, которыми обладало молодое государство. Поэтому студенчество было тем маргинальным опытом, который приобретался в трудных и даже экстремальных условиях созидания нового.

Первое советское студенчество уже по своему социальному составу было маргинальным. Об этом, например, свидетельствуют сравнительные данные Харьковских переписей студентов, которые проводились в 1909г. и в 1923г. Первая перепись 1909г. была проведена статистико-экономическим семинаром Харьковского университета по довольно обширной программе. Из находившихся в то время в Харькове около 6000 студентов Университета, Ветеринарного института, Высших женских курсов (Технологический институт в выборку не попал) было опрошено 40% всего студенчества [3, с.3]. Вторая перепись была осуществлена в 1923г. Однако в этом году было проведено два статистических обследования студентов. Анонимное анкетирование было проведено в мае 1923г. и охватило 72% студентов из 14 000 обучавшихся в Харькове, а также осенью 1923г., когда был обследован вновь поступивший контингент, при этом было опрошено 60% студентов из 3600 зачисленных. Обследованию подверглись 10 институтов и 11 техникумов [3, с.4].

Социальный состав студенчества (%) [3, с.9]						
года	рабочие	крестьяне	трудова интел-ция	ремеслен ники	нетрудов. элементы	другие соц. группы
1909	2,7	5,5	31,8	2,6	43,3	14,1
1923	18,0	18,9	36,3	7,9	10,5	8,4

Такое изменение социального состава студентов не было спонтанным. Это была целенаправленная политика молодого советского государства, которая определилась в 1921г. и обозначилась как курс на “пролетаризацию” вузов. Цель этого курса заключалась в следующем: во-первых, перекрыть каналы доступа в вузы “чужим элементам”, которые появились в 1918г., благодаря Советскому декрету о свободном доступе в высшую школу всех желающих; во-вторых, создать новую интеллигенцию, которая отличалась бы своей “классовой чистотой”. Реализация этого курса требовала изыскания путей его воплощения. Самый простой был тот, который рекрутировал студенчество через партийные, советские, профсоюзные, комсомольские органы, а также через армию.

Самым важным требованием к направляющимся в вузы была политическая благонадежность. Кроме этого в обязательном порядке в анкете поступающих фиксировалось социальное происхождение, материальное положение семьи. А вот сведения об образовании даже не вспоминались. Положение в высшей школе ещё более усугубилось после разработки мероприятия по “фильтрации” студентов в 1922г. заместителем председателя Государствен-

ного политического управления (ГПУ) И. Уншлихтом, где устанавливалось строгое ограничение приёма студентов непролетарского происхождения; фиксировалось свидетельство о политической благонадёжности; указывалось, что до начала учебного года на каждого студента должен быть представлен отзыв ГПУ о лояльном отношении к советской власти [4, с. 68, 70]. Всё это обесценивало многие моменты статуса студента. Во-первых, вступительные экзамены не имели никакой ценности, ибо принимали абитуриентов даже с неудовлетворительными оценками, что создавало впоследствии атмосферу индифферентного отношения к учёбе, пессимизма, равнодушия. Во-вторых, члены приёмной комиссии были часто-густо весьма далеки от высшей школы, поэтому решать профессионально вопросы они были не в состоянии. Например, одним из критериев отбора в вуз, по воспоминаниям одного из бывших студентов, была внешность испытуемого. Чем более “пролетарски” она была, чем грубее его речь и тупее ответы, тем больше шансов было стать студентом. В-третьих, имидж студента определялся важностью умения виртуозно материться, бить “по сопатке”, носить одежду по-пролетарски, исповедывать кредо: “что грубость не порок, что насилие – добродетель”.

Стабильным каналом пролетаризации вузов стал рабфак. Открытие его должно было решить проблему подготовки пролетарской молодёжи в высшую школу. Сюда приходила молодёжь по путёвкам партии, комсомола, профсоюзов. Однако в этом деле была дискредитирована деревня. Квотой её было только 30% мест на рабфаке, тогда как рабочей молодёжи отводилось 70%. И опять главным критерием отбора было обладание общей политподготовкой в объёме элементарной программы по политграмоте, а затем уже знание четырёх арифметических действий над целыми числами, умение удовлетворительно излагать свои мысли в письменной и устной форме.

Со временем вопрос о политической лояльности станет неактуальным. Уже в мае 1923г. при опросе харьковских студентов, был поставлен вопрос о политическом строе в Украине и России, с их точки зрения, лучшем и своевременном, а в бланке переписи поступавших осенью 1923г. – о политическом строе, своевременном для Украины. Так опрос студентов (числитель) и вновь поступивших (знаменатель) свидетельствует о значительной разнице во мнениях. За советский строй высказалось 73,9%/95,9%; за демократическую республику – 2,6%/1,3%; за буржуазную республику – 0,08%/0,04%; за монархию – 0,15%/0,04%; за анархию – 0,4%/0,16%; неграмотные и неопределённые ответы составили 10,3%/0,5%, а не ответило 12,6%/2,1% [3, с. 37]. Наблюдается некоторая натяжка и желание увильнуть от прямого ответа на вопрос у студентов уже обучающихся, о чём свидетельствует большой процент неграмотных и неопределённых ответов. А вот результаты ответов вновь поступивших свидетельствуют об определённой их политической ориентации, об отсутствии увиливания от ответов, об искреннем непонимании вопроса: “Что за вопрос!”, “Ну, конечно, советский”, “Только советский”. И самое интересное, что из вновь поступивших, основники и рабфаковцы на вопрос о политическом строе давали почти одинаковые ответы. За советский строй высказалось 95,8% основников и 96,9% рабфаковцев; за демократическую республику соответственно 1,7% и 0,7%; за монархию не высказался никто; за анархию высказалось только 0,3% основников, и ни один рабфаковец; неграмотных и неопределённых ответов соответственно 0,6% и 0,7%, а не ответили 1,6% и 1,7% [3, с. 38]. Как видим, в этом плане студенческая масса становится гомогенной и критерий о политической лояльности при приёме в вуз становится не актуальным.

Поиск новых путей реализации политики пролетаризации вузов нашёл себя ещё в одной из форм, порождённой исключительно пролетарским государством, – очищение вузов от “чуждого элемента” (другими словами – “гонение на ведьм”). Это было наподобие “чисток”, которые проходили в партии большевиков и которые считались нормальным явлением. Среди студентов этот процесс стал регулярно осуществляться с 1922г., официально именуемый “перерегистрацией”, как одной из мер борьбы с неуспевающими. Однако, “перерегистрация” была не прерогативой профессорско-преподавательского состава, а так называемых “троек”, которые формировались под присмотром ГПУ и которым чётко дава-

лись установки. А именно: требование полной академической успеваемости проявлять лишь к буржуазным элементам и интеллигенции. Что касается студента пролетарского происхождения, то необходимо ему всячески помочь, дать возможность подогнать учёбу, продлить сроки пересдачи [4, с.22].

Стимулировали работу этих “троек” комячейки вузов. Такая чрезмерная инициативность студенчества объяснялась тем, что в большинстве вузов шло завоевание всех руководящих позиций коммунистами, которые добивались полного контроля над учебным процессом. Наиболее активными были студенты-коммунисты, представителям которых, согласно существовавшим тогда правилам, разрешалось входить во все руководящие органы вузов: программные комиссии, советы факультетов, правления комячейки. При этом они нередко вытесняли профессуру (и коммунистическую, и бывшую буржуазную). Это приводило к фатальным последствиям: требовательных преподавателей отстраняли от учебного процесса, а последний превращали в политическую дискуссию [9, с.100].

Последствия этих мероприятий нашли своё отражение в том, что студенты-коммунисты предложили сделать “чистки” перманентным процессом; это они информировали комиссии по перерегистрации о непролетарском происхождении своих товарищей, которые не имели, по их мнению, права на получение диплома, что делало последних изгоями в студенческой среде. Их не допускали к занятиям в лабораториях, не давали койки в общежитиях, отказывали в обеде в столовой. Студент пролетарского происхождения даже информировал кого следует, что последний не пролетарий [5, с.169]. Это свидетельствует о глубокой безнравственной атмосфере, которая царила в вузе, об унижении человеческого достоинства студента непролетарского происхождения.

Реакция студентов-изгоев была неадекватной. Одни, чтобы выжить и закончить институт, добывали справки о том, что их родители из рабочих или крестьян, “раньше” не торговали, а если торговали, то немного [6, с.125]; другие шли по пути наименьшего сопротивления: накладывали на себя руки; третьи достойно покидали вуз, однако их возмущению и озлоблению не было границ [7, с.342]. Другими словами, процесс проводимой “чистки” вымывал из студенческой среды наиболее подготовленных и успевающих студентов. Даже существовала норма отчисления, которая составляла 20-30% от общего числа студентов.

Итогом всей этой “кампании” было то, что в 1923г. только из 47 вузов страны было отчислено 4000 студентов, в 1924г. наркомпрос сообщил о 18000 отчисленных, а в 1925г. о 40000 [8, с.71]. Таким образом, результат “чистки” был налицо. Количество отчисленных студентов за 3 года выросло в 10 раз. Как видим, курс на пролетаризацию вузов в основном решался и отношение к нему сложилось довольно определённое. Так опрос в мае 1923г. харьковских студентов свидетельствовал, что 87,4% сочувствовали пролетаризации высшей школы, 4,8% – не сочувствовали и 7,8% не ответили совсем. А в таких вузах как Коммунистический университет и Еврпедкурсы не сочувствующих пролетаризации не было [3, с.38].

Ещё одним немаловажным каналом пролетаризации вузов стало партийно-классовое “десантирование”. Партия требовала укрепить костяк студенчества через рекрутизацию в него партийцев, комсомольцев, рабочих, крестьян, армейцев. Самым доступным и организованным был путь отправки на учёбу по путёвкам партии и комсомола. Такая практика начала реализовываться с осени 1928г. Результат её сказался уже в годы первой пятилетки. За 1928/29 – 1932/33гг. в вузы поступило 100 000 коммунистов и 40 000 беспартийных рабочих [8, с.70].

Естественно, процесс пролетаризации вузов не мог не сказаться на качестве студенческой массы. Так журнал “Красная молодёжь” в 1924г. отмечал, что липовое студенчество массами заполняет вузовские коллективы, что пора, наконец, признать это положение дезорганизующим высшую школу [6, с.104].

Безусловно, политика пролетаризации вузов не могла не повлиять на имидж студента. Маргинализация его была налицо. И это прежде всего наблюдалось в аспекте его физического, социального и нравственного здоровья. Дело в том, что высшая школа давала

очень низкий процент выпуска подготовленных студентов. Число окончивших вуз в установленный срок было менее 50%. Что касается качества знаний, то оно было весьма низким. Причина всего этого крылась в хаотичности, не научности постановки преподавания и академической жизни высшей школы. Всё это имело болезненные последствия. В газете "Правда" (1924г.) в статье А.Залкинда "Мозг красной молодёжи" указывалось, что нервная система красного студенчества хронически пребывает в нервно-напряженном состоянии и при медицинском осмотре оказывается, что наиболее талантливые, прекрасные юноши страдают жёстким переутомлением, особенно перенапрягая себя в вечерние часы: в клубах, кружках, на курсах, лекциях и т.п., до самозабвения предаваясь общественной работе. К себе домой студент попадает лишь глубокой ночью, где ещё читает, пишет, спешит в последнюю минуту к обязательному зачёту, ложится спать в два, три, четыре часа утра, а утром, с не отдохнувшим мозгом, снова за работу [9, с.106]. Как видим, вся работа студента шла стихийно. Всё это результат несогласованности расписания учебных занятий с общественными обязанностями студентов, определённая перегрузка работой, а также необходимость подработок, чтобы пополнять свой скудный бюджет. Исследование харьковских студентов в 1923г. свидетельствует, что основная масса студентов зарабатывала себе сама на проживание. Источники средств существования последних делились на личный заработок и помощь со стороны. Так, личный заработок у мужчин составляли: а) служба – 45,5%; б) частные уроки – 7,5%; в) случайные заработки – 5,1%. Что касается женщин, то соответственно: 35,7%; 11, 4%; 2,6%. Помощь со стороны: у мужчин: а) средства от родных – 7,5%; б) стипендия – 21,7%; в) иные источники – 0,9%, а у женщин, соответственно: 19,4%; 9,4%; 0,9% [3, с.18]. Из всей массы студентов 24,3% являлись главными кормильцами семьи [3, с.19].

В среднем активные студенты работали 9-11 часов в день. В Московском лесном институте изучение бюджета времени студента показало, что время у этих студентов распределяется следующим образом: 7 % обходятся без заработка, 16% затрачивают на работу в среднем 1 час в день, 50% – 2-3 часа в день, 26% – 4-6 часов и 1% – от 7 до 8 часов. На чтение газет затрачивается 1 час у 72% студентов, 2 часа – 28%. Общественной работой совсем не занимаются 12% студентов, а те кто с нею связан тратит от 2-3 часов – 83%, более 3-х часов и до 6 часов – 5%. На чай, обед, ужин, дорогу в вуз, стояние в очередях, отдых, физкультуру и ,вообще, самообслуживание затрачивается минимум 2 часа – 9 %, а большинство (82%) тратят от 3 до 5 часов и 9% – от 6 до 8 часов. На сон 6% студентов тратит 6 часов, 60% спит 7 часов и 30% спит нормально 8 часов [9, с.108].

Вообще картина действительных средних затрат времени в день студентом представляла собой следующие цифры:

1.	Учебная работа классная.	3 часа
	домашняя.	4 часа
2.	Чтение газет.	1 час
3.	Общественная работа.	2 часа
4.	Заработок.	3 часа
5.	Прочие затраты времени.	4 часа
6.	Сон.	7 часов

Итого : 24 часа

Из выше очерченного приблизительного расхода времени студентом в день можно сделать много выводов. Но основным является то, что ненормальность в соотношении учёбы, работы, культурной деятельности и отдыха наблюдается вопиющая.

Ко всем проблемам добавлялась проблема быта. Заведующий студенческим диспансером доктор Е.Манбург писал: "Голод, холод, грязь, недоедание, недостаток белья и платья, оторванность от семьи, неврастения, развивающаяся на почве перегрузки занятиями, неправильная половая жизнь, шумная, недисциплинированная масса в общежитиях, увеличивающая неврастению у части студентов, расположенной к ней – вот те моменты,

которые способствуют развитию туберкулёза у современного студенчества" [3, с.40].

Тем более, что многие приезжие студенты жили в общежитиях. Так в харьковских вузах процент живущих в общежитиях разных вузов весьма колебался: Коммунистический университет – 93,5%; Еврейские педагогические курсы – 82,9%; Украинские педагогические курсы – 36,9%; медицинский институт – 9,7%; Инхоз – 7,5% [3, с.24]. Быт в них, мягко говоря, желал быть лучше. Докладная записка санитарного врача студенческих лечебных учреждений свидетельствует, что в общежитии, например, Геодезического института 45 человек живут в одной комнате кубатурой 56 куб. сажень, т.е. 1,2 куб. сажня на человека. Грязь на столах и на полу не поддаётся описанию. Коек ограниченное число. Главная масса спит на импровизированных, из чего угодно, кроватях. Несколько человек спят в шкафу. 15 человек спят на голом грязном полу – без всяких постельных принадлежностей. А в общежитии на углу Екатеринославской живёт 64 человека. Необычайно грязно. Парадный ход и лестница не выметались и не мылись 2 года. Данные условия ещё считались благоприятными, ибо ни одна сотня студентов ночевала по вокзалам, в садах, жила в пригородах и на окраине города [3, с.41]. Что касается питания, то горячая пища принималась один раз в сутки. И нет ничего удивительного, что студенчество болело: 12-42% туберкулёзом, малокровием, кожно-венерическими заболеваниями и 90% расстройством нервной системы [3, с.41]. Причины такого высокого процента заболеваемости неврозом связаны были с переживаниями и лишениями революции, гражданской войны, разрухи, голодовки, державшие в постоянном напряжении нервную систему молодых людей и, наконец, неправильная половая жизнь (снанизм). Поэтому переход в зрелом возрасте к тяжёлому умственному труду породили, по всей видимости, невроз. Всё это усугублялось сексуальным невежеством [11, с.28,30; 12, с.46]. Революционная половая мораль, которая воплощалась в теории "стана воды", реализовывалась студентами на практике. Это выражалось не только в создании организаций "раскрепощённой" молодёжи, таких как "Долой стыд", "Долой невинность" и т.д., но и в том, что почти 75% студентов теряли свою невинность в возрасте до 20 лет, а более 20% студенток прибегали к абортам в студенческих уборных [8, с.74].

Без всякого сомнения, это порождало и нравственное уродство. Пьянки, дебоши, мат были обычными явлениями в студенческих общежитиях [10, с.39]. Пили в дни рождения, праздники, в день получения стипендии и т.д. При этом чрезвычайно ценился мат. Слова типа "лахудра", "хряпать", "заткнись" были в широком обиходе. Студентов, которых не ругались матерно и интересующихся полезной книгой вместо скверного анекдота, обвиняли в антипролетарском происхождении [13, с.52].

Как видим, красное студенчество, пытаясь вписаться в новую "социальную нишу", приобрести студенческий "габитус" характеризовалось ситуативной социальной идентификацией, что является одним из признаков маргинальности.

Если проводить параллель с современной молодёжью, в том числе и студенчеством, то сегодня критерий лучше или хуже не актуален, ибо это совершенно другая поросль. По исследованиям Научно-исследовательского центра социального анализа и статистики [14] молодёжь в постсоветском пространстве, по сравнению с молодыми людьми 20-х гг., аполитична. Так, 17% опрошенных совершенно не интересуются политикой, а 78% следят за ней от случая к случаю, причём 37 человек из 100 не верят никому из политических лидеров. А что касается демократии, то трое из десяти уверены, что для нас она вредна, ибо неизбежно ведёт к анархии и хаосу. Нашу молодёжь больше всего волнуют такие проблемы как рост цен – 62%, затем безработица, преступность, а также каждый пятый обеспокоен упадком нравственности.

Несмотря на тяжелейший кризис, более половины молодых людей не хотят покидать родину и только 34% готовы эмигрировать. Современная молодёжь не потеряла своего доверия к окружающим. Так, 35% доверяют своим родственникам, 18% – друзьям и даже 5% – алхимикам. В плане поддержки при решении своих проблем молодые люди надеются прежде всего на собственные силы – 74%, а затем на подъём экономики – 13%, на помощь Запада – 2%, что свидетельствует о её самостоятельности и независимости. Правда, каждый

десятый респондент оказался пессимистом, ибо не удовлетворён жизнью и считает, что будет ещё хуже. Что касается приложения своих сил, то среди респондентов лидируют такие профессии как юрист, врач, экономист. Увлечения нашей молодёжи не выходят за пределы дозволенного: каждый третий любит слушать музыку, каждый пятый – тратить деньги, 17% – общаться с противоположным полом, 16% – смотреть видео и вкусно поесть. И только один из ста любит употреблять наркотики. В плане расширения кругозора молодёжь читает газеты (73%), однако качество читаемых материалов желает быть более содержательным, ибо 36% читают что-то юмористическое, 34% – о любви, 34% – о сексе, далее идут мода, поп-музыка и т.д. А вот 27% респондентов вообще не читают газет и информационный голод их не мучает. В плане вредных привычек наша молодёжь проявляет терпимость: так 53% молодёжи у нас не курит и лишь 29% курят постоянно. Что касается алкоголя, то половина опрошенных пьют реже одного раза в месяц и только 9% употребляет ежедневно.

Что касается современного студенчества, то его маргинальная природа налицо. Кризис системы образования не может не сказаться на его субъекте. Так, ещё в стенах вуза, на 3-4 курсах, 50% студентов недовольны избранным факультетом, что травмирует последних. А парадоксы распределения указывают на изначально скрытую и открытую безработицу: работа 8% выпускников не требует высшего образования; 25% из них уходят в техники, а затем и в рабочие; 30% – хватило бы техникумовского образования; 25% – меняют профессию в течение ближайших 5-7 лет. Также студент глубоко эксплуатируемое существо. Последнее обуславливается материальной зависимостью студента от родителей, которая сегодня является вопиюще высокой, зависимостью от деканата. Эта зависимость – почва для разрыва его сознания, душевных расстройств. Оппозиция миру взрослых начинается ещё со школы, которая выступает институтом отчуждённости по отношению к своим ученикам. Всё это воспроизводит маргинальную природу исследуемой социальной группы.

Литература:

1. Васильев А. Египет и египтяне. М., 1996.
2. Атоян А.М. Социальная маргиналистика. – “Политические исследования”, 1993, – №6; Социальная маргинальность: Характеристика основных концепций и подходов в современной социологии. – “Общественные науки”, РЖ. “Социология”, Сер.11, 1992, – № 2.
3. Жизнь современного украинского студенчества. По данным студенческих переписей и других обследований. Х., 1924. – 46с.
4. Студенческие годы. 1924. – № 4;5.
5. Молодая Россия – “Свободная Россия”, 1924, – № 3.
6. “Красная молодёжь”; 1924, – №2.
7. “Свободная Россия”, 1924, – № 5.
8. Рожков А. Студент как зеркало Октябрьской революции – “Родина”, 1999, – № 3. – С.68-74.
9. “Красная молодёжь”; 1924, – №3
10. Козлова Л.А. Институт красной профессуры (1921-1938 годы). – “Социологический журнал”, 1994, – № 1. – С.98-112.
11. “Красное студенчество”, 1927, – № 3.
12. “Красное студенчество”, 1927, – № 4.
13. “Красное студенчество”, 1927, – № 5.
14. Аргументы и факты. 1999, – № 17.

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В
Г. ХАРЬКОВЕ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1989-2000 ГГ.)

The dynamics of changes, which have been taking place during the last 10 years in the sphere of cross-national relations in Kharkov is researched. The character of interrelations and interactions among different ethnic groups of the city is studied along with the condition of groups and their self-appraisal. The presented results signify the level of ethnic tolerance of the Kharkov population. The spread of different strategies relating to interethnic interactions has been also researched.

Досліджується динаміка змін, що відбулись за останні 10 років в стані міжнаціональних відносин в м.Харкові.

Аналізується характер взаємодії та взаємовідносин між етнічними групами населення міста, їх положення та самопочуття. Представлені результати вимірювання рівня етнічної толерантності населення Харкова, визначена розповсюдженість різних стратегій в ситуації міжнаціональної взаємодії.

Ключевые слова: межнациональные отношения, этничная толерантность, личностные стратегии в отрасли межнациональных отношений.

Строительство национальной государственности в Украине сопровождается двумя разнонаправленными процессами. С одной стороны, происходит консолидация населения страны на территориально-государственной основе, формирование у людей разных национальностей чувства принадлежности к единому гражданскому сообществу – украинской нации. С другой стороны наблюдается дифференциация по этническому принципу, проявляющаяся в осознании этнонациональными группами своей специфики, своих особых культурных, политических и т.д. интересов. Происходит это на фоне резкого ухудшения материального положения людей, возрастающей конкуренции за рабочие места, общего болезненного психологического состояния общества, выражающегося в ощущении потери перспектив, маргинальности своего статуса, в нарастании тревожности, агрессивных настроений и т.д. Вылиться все это может в поиски “виновных”. Таковыми, как свидетельствует история, чаще всего становятся люди других национальностей.

Реально существующая проблемная ситуация делает актуальной необходимость диагностики состояния межнациональных отношений, в том числе и в Харькове, который пока еще относится к одному из наиболее благополучных в этом отношении регионов Украины.

Основной эмпирической базой исследования, результаты которого анализируются в данной статье, является проведенный в апреле – мае 2000г. опрос населения Харькова, структурированного по этнической принадлежности, возрасту и образованию¹. Специфика нашего исследования требовала достаточно высокого представительства в выборке малочисленных национальных групп. Их доля по данным переписи 1989г. составляет всего 6%. При общем объеме планируемой численности опрошенных в 800 человек, это составило бы всего 75 человек, что явно недостаточно, чтобы судить о самочувствии и настроении этой части харьковчан. Поэтому нами была применена выборка, примерно отражающая соотношение украинцев и русских, и несколько увеличено представительство неосновных

¹ В разработке программы и инструментария исследования, его организации, кроме автора, участвовала доцент О.А.Филиппова. Опрос осуществлен студентами социологического факультета Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина и студентами Украинской инженерно-педагогической академии. Исследование осуществлено при организационной и финансовой поддержке Ассоциации национально-культурных объединений Украины.

этнических групп. В структуре выборки было представлено 44,6% украинцев, 34,6% русских, 20,8% представителей иных национальностей. Кроме национального признака, учитывался возраст и образование респондентов. Эти факторы, исходя из нашей гипотезы, оказывают заметное влияние на состояние межнациональных отношений.

Исследование предполагало не только фиксацию нынешнего состояния межнациональных отношений, но и определение динамики их изменения. С этой целью использовались результаты периодически проводившихся, начиная с 1989г, исследований данной проблемы [1; 2; 3]. Таким образом мы имеем возможность проследить тенденции изменения в состоянии межнациональных отношений, в положении различных этнонациональных групп за последние десять лет – период, когда происходили кардинальные изменения в жизни нашего общества и Украинского государства.

1. Общая характеристика состояния межнациональных отношений в г.Харькове и положения различных этнонациональных групп

Материалы сравнительных исследований дают весомые основания для вывода о **значительных позитивных сдвигах в состоянии межнациональных отношений и в социальном статусе, психологическом самочувствии представителей различных этнонациональных групп.**

Сопоставление ситуации, зафиксированной в период, когда Украина была одной из Советских республик, (исследование 1989г.), и нынешней ситуации, заставляет обратить внимание на следующие факты:

- В 2 раза снизилось число людей, оценивающих состояние межнациональных отношений в Харькове как острую для города проблему (с 14% в 1989г. до 7% в 2000г.). Одновременно увеличилось число считающих, что такой проблемы вовсе не существует. Так оценили ситуацию в 1989г. 22,5% опрошенных, в 2000г. 35% (см. рисунок 1). Особенно заметно оздоровилась ситуация в трудовых коллективах. Свыше 75% опрошенных полностью отрицают какие-либо проявления в них межнациональной розни (в 1989г. такое мнение разделяли 49%).

Рис. 1. Оценка остроты проблемы межнациональных отношений в г.Харькове (в %).

В наибольшей мере позитивные изменения ощутили национальные меньшинства Харькова¹. Сегодня в 3 раза реже представителями этой категории высказывается острая обеспокоенность состоянием межнациональных отношений в городе.

- Заметно увеличилось (с 53% в 1989г. до 65% в 2000г.) число людей, которым не приходилось даже эпизодически быть действующим лицом столкновений, конфликтов на национальной почве, ощущать лично на себе проявления негативного отношения к

¹ Оговорим, что в данном случае мы имеем в виду все иные национальности, кроме украинцев и русских. Последние, по сути, не могут быть отнесены к национальным меньшинствам города, т.к. по данным последней переписи 1989г. они составляли около 44% населения Харькова, не намного уступая украинцам, которых было зарегистрировано в городе 49%.

своей этногруппе.

- Намного меньшее число опрошенных отмечают факт селекции по национальному признаку на институциональном уровне. Так, если в 1989г. большая часть представителей национальных меньшинств города считали, что национальная принадлежность учитывается при поступлении в вузы, устройстве на работу, выдвижении на руководящие должности и т.п., то в настоящее время такое мнение высказывается в 2 раза реже. И это дает основание считать, что если практика национальной дискриминации, квотирования представителей различных национальностей при выдвижении на высокостатусные должности если и сохраняется, то применяется намного реже и не носит столь явного характера.

Вместе с тем, оценивая в целом нынешнюю ситуацию, мы склонны солидаризироваться с мнением значительной части харьковчан (свыше 40%), считающих, что **проблема межнациональных отношений в нашем городе все-таки существует, хотя и не носит острого характера.**

Хотя массовые столкновения на национальной почве, к счастью, отсутствуют, в ситуациях межличностного взаимодействия они все-таки достаточно распространены, хотя и носят в основном эпизодический характер (см. табл. 1).

Таблица 1.

Насколько часто приходилось представителям различных национальных групп сталкиваться с недружелюбным отношением к людям их национальности (%)

	Всего по массиву	Национальность		
		укр.	рус.	др.
Не приходилось сталкиваться	65,1	68,4	75,8	40,8
Было несколько отдельных случаев	27,6	25,0	21,0	43,4
Приходилось сталкиваться довольно часто	6,1	5,6	3,1	11,9
Постоянно приходится сталкиваться	1,2	0,8	0	3,8

Обращает внимание, что в отличие от прошлых лет, когда объектами нападок, необоснованными ничем иным, кроме предвзятого отношения к группе их этнической принадлежности, были главным образом представители иных национальностей, а среди украинцев и русских с этим приходилось сталкиваться относительно небольшому числу людей (примерно каждому десятому), сегодня ситуация несколько изменилась.

Хотя людям иных национальностей по-прежнему чаще приходится испытывать недоброжелательность, а иногда – открыто враждебное отношение к себе, в последнее время такие факты стали отмечаться и представителями доминирующих по численности групп. Об имевших место отдельных таких случаях заявили каждый четвертый украинец и каждый пятый русский, довольно часто попадали в такие ситуации 6% первых и 3% вторых.

Основной ситуацией, провоцирующей проявления враждебности, являются случайные контакты в общественных местах (в магазинах, на рынках, в транспорте и т.п.). Именно при таких обстоятельствах ощутили неприязнь к национальной группе, перенесенную на отдельного индивида, 57% из тех, кто имел такой опыт. В 1989г. на данное обстоятельство сослалось большее число “жертв” агрессии – 69%. При этом в ряде случаев численность украинцев, ощутивших недоброжелательное отношение к себе, примерно соответствует, а иногда даже превышает численность попавших в аналогичную ситуацию представителей категории “иные национальности” (см. рис. 2).

Наиболее “емким” показателем положения различных этнических групп нашего города является испытываемое ими чувство уверенности, защищенности, обусловленное их национальным статусом, либо, напротив, неуверенности, незащищенности (см. табл. 2).

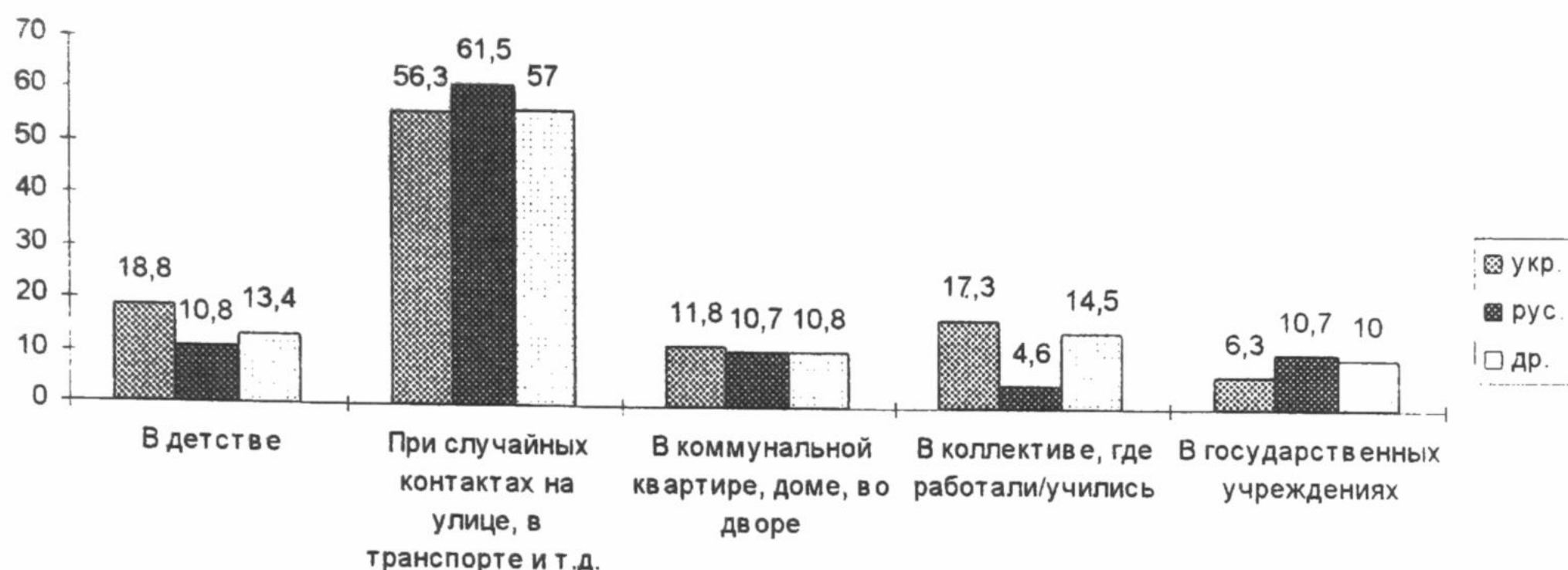

Рисунок 2. **Обстоятельства, при которых чаще всего приходилось сталкиваться с недружелюбным отношением к людям своей национальности (в % к ответившим)**

Таблица 2.

Чувства, испытываемые в связи с национальной принадлежностью (в % к численности национальных групп)

	Украинцы		Русские		Другие	
	1992	2000	1992	2000	1992	2000
Защищенность, уверенность	23,1	13,4	7,5	7,3	11,1	19,2
Неуверенность, незащищенность	12,5	25,0	25,7	28,1	42,5	25,6
Не испытывают никаких чувств	10,8	61,6	62,8	64,8	40,5	55,1

Представленная информация заставляет обратить внимание на следующие моменты:

- 1) Большая часть наших респондентов не считает, что их национальность как-то влияет на их положение и самочувствие. И это уже само по себе является достаточно весомым свидетельством относительно благоприятного состояния межнациональных отношений, эффективности государственной политики, проводимой в этой области.
- 2) Сопоставление сегодняшней ситуации и ситуации, которая изучалась нами в 1992г., свидетельствует о некотором снижении в целом численности ощущающих свою защищенность. Самое же парадоксальное, что произошло это не за счет русских, обеспокоенность положением которых столь часто в последнее время проявляется со стороны некоторых партий, общественных организаций и даже государств, и не за счет группы "иные национальности" (здесь численность ощущающих стабильность своего положения даже несколько возросла), а главным образом за счет представителей титульного этноса.

Чем это можно объяснить? Нами было выдвинуто предположение, что в данном случае, как и в уже описанных выше, речь идет о такой специфической группе, как украиноязычные украинцы¹. И действительно, если в целом заявили об испытываемом им чувстве неуверенности, незащищенности каждый четвертый из представленных в нашей выборке украинцев, то среди тех, кто предпочитает во всех ситуациях общаться на родном языке, таких заметно больше – почти 37%. Именно им, как выяснилось, сравнительно чаще приходилось сталкиваться с проявлениями недружелюбия, вступать в конфликтные отношения. Если среди всей группы респондентов данной национальности приходилось довольно часто попадать в такие ситуации всего 6%, то среди украиноязычных об этом заявили в 2 раза большее число

¹ Заметим, что в целом ряде исследований [4, с.55-63] отмечалось, что дифференциация по признаку этнической принадлежности в ряде случаев является менее значимой, чем дифференциация по языковому признаку.

людей. Еще 32% признали, что были отдельные такие случаи.

Более критичная оценка состояния межнациональных отношений этой частью жителей города обусловлена многими факторами, важнейшим среди которых является непринятие большинством харьковчан навязываемой им украинизации. Как свидетельствуют материалы данного и предшествующих наших исследований, Харьков является преимущественно русскоязычным городом и хотел бы таковым и остаться.

Сказываются здесь и политико-идеологические ориентации населения города. Наше исследование еще раз подтвердило низкую популярность национальных и особенно – националистических идей, деятельности тех партий и организаций, которые за них ратуют. Как выяснилось, среди той небольшой части наших респондентов, которые им сочувствуют, украиноязычные украинцы отнюдь не преобладают, хотя и представлены в несколько большей мере, чем другие группы. (15%)¹. Тем не менее, именно они, по-видимому, ассоциируются с тем негативным образом „бандеровца“, который усиленно внедрялся в массовое сознание жителей Восточной Украины на протяжении многих лет и, как видим, дал свои плоды.

Не последнюю роль в формировании у украиноязычных украинцев ощущения ущемленности, играет недостаточно высокий у большинства жителей города уровень толерантности к иной культуре, взглядам, обычаям, образу жизни, о чем речь пойдет ниже.

Насколько обоснована звучащая все чаще в последнее время обеспокоенность положением русской части населения Украины?

С одной стороны, мы фиксируем, что почти треть (28%) представителей этой группы говорят об ощущаемой ими неуверенности, незащищенности, обусловленной их национальной принадлежностью. С другой стороны, никаких фактов, объясняющих эту обеспокоенность их реальным положением в системе межнациональных отношений, мы не обнаруживаем. Как выяснилось, наши русские респонденты намного реже, чем другие, сталкивались с проявлениями недружелюбия к себе не как к конкретному индивиду, а как к русскому. В шкале взаимоприемлемости различных этнических групп они занимают первое место. Свыше 70% украинцев и около 60% людей иных национальностей хотели бы видеть их в качестве членов семьи и ближайших друзей. В перечне национальностей, к которым проявляется особая антипатия, русские были названы только 3 раза, что составляет чуть больше 1%.

Как видим, их положение в системе межнациональных отношений в нашем городе скорее благоприятное и даже престижное. Так в чем же причина встревоженности довольно большой части наших русских респондентов?

Очевидно, что она никак не связана с ситуацией, сложившейся в Харькове, а обосновывается более широким кругом факторов. Материалы нашего исследования заставили обратить внимание на такие моменты:

- во-первых, процесс интеграции русской части населения в новое государственное образование – суверенную Украину происходит достаточно сложно и болезненно. Только 11% от общего их числа в нашей выборке являются убежденными сторонниками сохранения независимости Украины (для сравнения укажем, что среди украинцев таких 28%, среди иных национальностей – 20%). В своем большинстве русские высказываются либо за создание союза с Россией и Белоруссией (45%), либо за воссоздание Советского Союза (каждый пятый);
- во-вторых, именно среди русских проявляется наибольшая обеспокоенность языковой проблемой, что легко можно понять, т.к. людям довольно сложно по указанию „сверху“ отказаться от привычного для них языка мышления и изъяснения.

Можно назвать еще целый ряд факторов, которые хотя и не затрагивались в нашем исследовании, но общеизвестны и очевидны. Это и антирусские настроения, а главное –

¹ Партиям национально-демократической ориентации высказали свою поддержку около 7% опрошенных, в т.ч. 9% от общего числа представленных в нашей выборке украинцев, 2% русских, 10% иных национальностей. Партиям националистической ориентации отдали свои симпатии чуть более 1%.

действия, которые мы наблюдаем на Западе Украины, это и идеологическая направленность центральных государственных средств массовой информации, имеющих благую цель – внедрение в сознание населения идеи консолидации народа Украины на единой территориально-государственной, гражданской основе, но постоянно делающих крен в сторону обоснования приоритетных прав и особой роли титульного этноса. Хотя это вполне объяснимо на данном этапе, когда только происходит становление и укрепление украинской государственности, у тех, кого официально отнесли к национальным меньшинствам при сохранении у них менталитета народа, доминирующего в этнической иерархии, такой их статус вызывает внутреннее сопротивление.

Таким образом, недостаточно спокойное и уверенное психологическое состояние русской части населения нашего города обусловлено не реальным их положением и статусом, а опасением, что ситуация может измениться в любой момент в худшую сторону. Насколько обоснованы эти опасения – это проблема, выходящая за рамки нашего исследования.

2. Этническая толерантность жителей Харькова и предпочитаемые стратегии поведения в ситуациях межнационального взаимодействия

Для того, чтобы получить адекватное представление о состоянии межнациональных отношений в любом сообществе, необходимо, не ограничиваясь анализом характера контактов и взаимодействия на поведенческом уровне, обратиться к глубинным их основам, т.е. к изучению субъективно-психологической составляющей межнациональных отношений. Знание таких моментов, как психологическая готовность к контактам разной степени тесноты, ориентации на те или иные стратегии в ситуациях межнационального взаимодействия, бытующих этнических стереотипов и т.д. позволяют выявить латентную напряженность в состоянии межнациональных отношений и, следовательно, прогнозировать возможное их развитие в том или ином направлении.

Особенно важную информацию в этом плане дает измерение уровня этнической толерантности, т.е. терпимости к любым проявлениям межэтнического менталитета: в поведении, образе жизни, характере, высказываниях и т.д. [5, с.132]. Высокий уровень этнической толерантности создает благоприятную основу для развития межнациональных контактов и, напротив, недостаточная толерантность служит основой формирования изоляционистских и дискриминационных установок, которые, при соответствующих обстоятельствах, становятся соответствующими поведенческими стратегиями.

Для измерения уровня этнической толерантности нами использовались два методических приема. Первый из них позволил выявить численность людей, резко отрицательно относящихся к какой-либо национальности, уточнить перечень этих отвергаемых групп. Использование второго приема – шкалы социальной дистанции Богардуса позволило определить статус различных этнических групп в структуре межэтнических отношений, уровень психологической готовности к сближению либо, напротив, к отторжению людей другой национальности, а также в количественных показателях представить общий уровень этнической толерантности различных социальных групп.

Выяснилось, что ни к одной национальности, включая украинцев и русских, не проявляется максимальная (т.е. 100%) толерантность. Так, русских в качестве членов семьи допускают 58% опрошенных, украинцев – половина. Далее следует очень существенный разрыв. Лишь единицы считают для себя возможным породниться с представителями иных этногрупп, на дружественные контакты с ними в лучшем случае готовы не более 1/5. Наиболее же “нагруженными” оказались колонки, где представлена численность допускающих представителей иных национальностей лишь в качестве жителей или временных гостей города. Общий же индекс этнической толерантности всех исследуемых этнонациональных, возрастных, образовательных групп находился в пределах 4,5 -5,5 балла¹.

¹ Использовалась 7-балльная шкала, где 1 балл означал максимальную толерантность, 7 баллов – максимальную интолерантность. Нами была использована методика расчета индекса толерантности, описанная Паниной Н.В. [6].

Полученные нами данные (несмотря на некоторые нюансы) в плане общей тенденции совпадают с результатами исследований данной проблемы, проведенными по аналогичной методике в Харькове [7, с.38-50], Киеве [6], по Украине в целом [8, с.105-118]. Последние из названных дали основание их авторам Е.И.Головахе и Н.В.Паниной говорить о формировании в Украине психологии национальной обособленности и даже о широкой распространённости ксенофобии как форме национального предрассудка, проявляющегося в боязни и неприятии всего инонационального.

Проявилось это и в ответах на вопрос "Есть ли такая национальность в нашей стране, к которой лично Вы относитесь резко отрицательно?" Утвердительно ответил на него почти каждый четвертый наш респондент. Это почти в 2,5 раза больше, чем было зафиксировано в 1989г. (см. рис. 3).

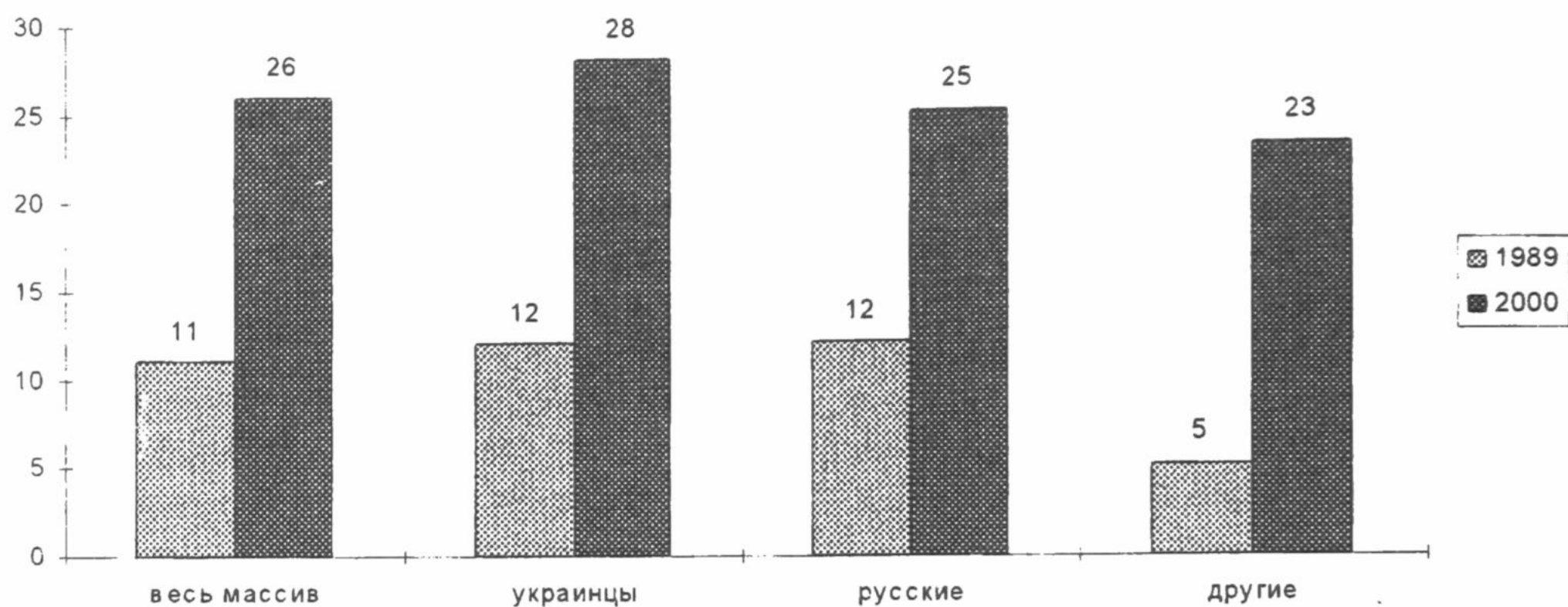

Рисунок 3. Численность респондентов, резко отрицательно относящихся к какой-либо национальности (в %)

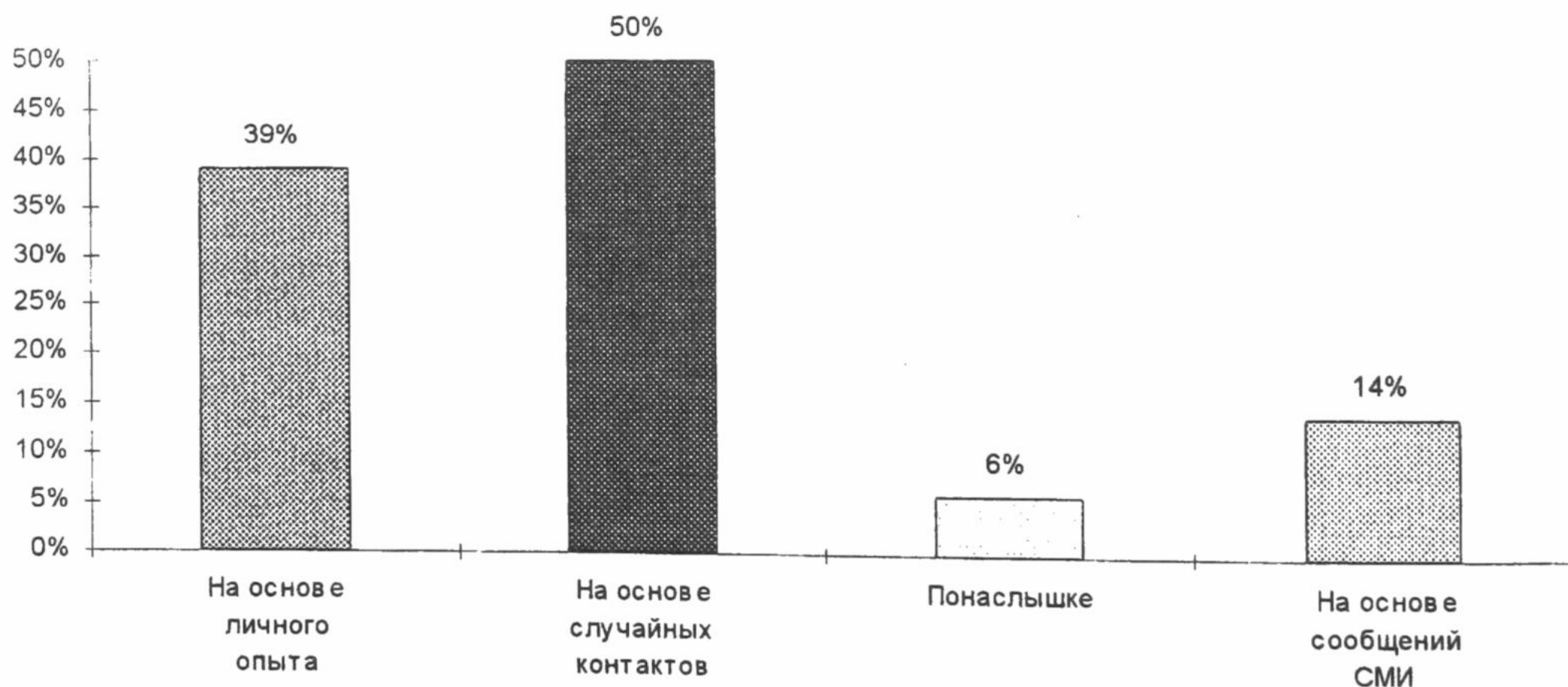

Рисунок 4. На какой основе сложилось отрицательное отношение к отдельным национальным группам (в % от общей численности испытывающий такое чувство)

Как выяснилось (см. рис. 4), общая антипатия к национальной группе формируется, главным образом, на основе случайных контактов с отдельными ее представителями, причем в ситуациях, более всего провоцирующих людей на проявление нелучших своих черт: транспорт, рынок и т.п. Достаточно многие (39%) обосновали свою неприязнь хорошим

знанием представителей отторгаемой ими национальности, так как им приходилось довольно часто иметь с ними дело. Заметим, однако, что в обоих рассматриваемых случаях речь идет об одном и том же механизме формирования негативного образа этнической группы: переносе личных впечатлений об отдельных ее представителях на группу в целом.

Два других источника формирования антипатии к этнической общности имеют в своей основе получение информации от "третьих лиц". Отрицательное отношение к тем или иным национальностям объяснялось респондентами тем, что они узнали о них от знакомых, друзей, прочитали в прессе, увидели по телевизору и т.п. То есть в данном случае действуют механизмы просвещения, убеждения, внушения и т.п. Относится это прежде всего к деятельности средств массовой информации.

Нельзя не обратить внимание на довольно значительный их "вклад", признаваемый в том числе и нашими респондентами, в формирование негативного образа некоторых наций и этнических групп. С одной стороны, это происходит в силу объективно сложившейся ситуации. Сосредотачивая свое внимание (а это вполне соответствует специфике СМИ) на освещении наиболее актуальных и важных событий, а таковыми в последнее время, к сожалению, стали события в "горячих точках" постсоветского пространства и, прежде всего, Кавказского региона, средства массовой информации, телевидение – в особенности – способствуют формированию у людей настороженного отношения к народам, вовлеченным в военные конфликты, стремлению дистанцироваться от них.

Вместе с тем, есть основания говорить о целенаправленном формировании (чаще всего в завуалированной форме) негативного образа той или иной группы. Неоднократно уже писалось о недопустимости широко распространенной практики сообщения (и даже подчеркивания) национальности преступника, коррупционера, олигарха и т.п. отрицательных персонажей. Вместе с тем, "преступные лица", благодаря действиям СМИ, приобретают все более устойчивые и узнаваемые национальные черты.

Мы не случайно столь подробно остановились на роли прессы и электронных средств массовой информации в формировании этнических предубеждений. Дело в том, что их деятельность (даже с учетом принципа свободы и независимости СМИ в демократическом обществе) хотя бы отчасти поддается целенаправленному регулированию. Ибо процесс формирования этнической толерантности настолько сложен, настолько обусловлен фундаментальными психологическими закономерностями взаимовосприятия людей, что преодоление интолерантности, особенно в крайней ее форме – ксенофобии, может рассматриваться как задача, рассчитанная на длительную перспективу, требующая кардинального изменения сложившихся социальных условий, долговременных усилий всей системы образования и воспитания.

Этническая толерантность, характеризуя общую предрасположенность личности к контактам с представителями инациональных групп, степень притяжения-непритяжения иных культур, является той основой, на которой формируется определенная линия поведения личности в реальных жизненных ситуациях.

В результате многочисленных исследований межнациональных, межрасовых, межконфессиональных и т.п. отношений, обобщенных в работах американских социологов Х.Блелока и Р.Уилкина, были выделены в качестве основных три возможных варианта линии поведения или же иными словами – личностных стратегий.

- 1) Стратегия изоляции – установка на национальную замкнутость, создание однонациональной среды обитания.
- 2) Стратегия дискриминации – установка на обеспечение доминирующей роли своей этнической группы в основных сферах жизнедеятельности общества, на ограничение роли, прав и возможностей либо всех иных, либо отдельных этнических групп.
- 3) Стратегия интеграции – готовность к установлению эффективного равноправного взаимодействия между людьми различных национальностей.

Именно эти позиции, их распространенность среди жителей Харькова являлись предметом нашего исследования. Перечень использованных в исследовании эмпирических

референтов различных стратегий межнационального взаимодействия, а также полученное распределение ответов представлено в таблице 3.

Отношение к двум первым приведенным в списке высказываниям в комплексе дает представление об установках на национальную замкнутость либо открытость. При этом каждая из них имеет различную нагрузку в общей системе используемых показателей.

Наиболее очевидно интерпретируются позиция “работать (учиться) лучше среди лиц своей национальности”. Как видим, с этим согласно не так уже мало людей – 16% от общего количества опрошенных. Менее однозначно может интерпретироваться высказывание о многонациональном составе Украины как постоянном источнике сложных, трудно разрешимых проблем. С одной стороны – это реалистическая констатация фактов (достаточно для этого вспомнить, например, крымско-татарскую проблему). С другой стороны, здесь имеется не сразу очевидный подтекст, который улавливается при одновременном анализе двух вопросов, вошедший в рассматриваемый блок (см. табл. 4). Из общего числа тех, кто связывает проблемы, возникающие в украинском обществе, с его полиэтнической структурой, около половины одновременно хотели бы иметь однонациональное окружение, работать и жить среди “своих”. И напротив, среди несогласных с тем, что именно многонациональное население Украины является постоянным источником возникающих трудностей, преобладают (65%) те, кто не видит необходимости в создании мононациональной социальной среды.

Таблица 4.

Взаимосвязь между ориентацией на моно- и полиэтническое окружение и представлениями о том, является ли многонациональный состав населения Украины фактором, усложняющим обстановку в стране (в %)

<i>Работать (учиться) лучше среди людей своей националь- ности</i>		<i>Многонациональный состав Украины – это источник сложных проблем</i>		
		согласен	не согласен	нет мнения
	Согласен	48	23	30
	не согласен	21	65	15
	нет мнения	25	31	44

Дополнительной информацией о степени “открытости” – закрытость многонационального сообщества “харьковчане” является их отношение к переселенцам, беженцам и т.п. жертвам войн, межэтнических конфликтов, экологических трагедий. В последние годы их приток в наш город происходит достаточно интенсивно. Как это воспринимается жителями города, как они считают необходимым поступать в данной ситуации? (См. табл. 5).

Таблица 5.

Отношение к переселенцам и беженцам (% по массиву и этническим группам)

СУЖДЕНИЯ	Все опрошенные	Украинцы	Русские	Другие национальности
1. Пусть живут. У нас большая страна, места всем хватит	39	34	39	51
2. Пусть поживут у нас временно, до улучшения положения дел на их родине	48	51	47	43
3. Этого допускать нельзя. У нас и так хватает своих проблем	13	15	14	6

Как видим, только незначительная часть опрошенных занимает по этом вопросу жестко отрицательную позицию. При этом те, кто имеет какие-либо этнические предубеждения, проявляют заметно меньшую склонность предоставить приют нуждающимся в этом представителям иных национальностей и регионов (см. рис. 5).

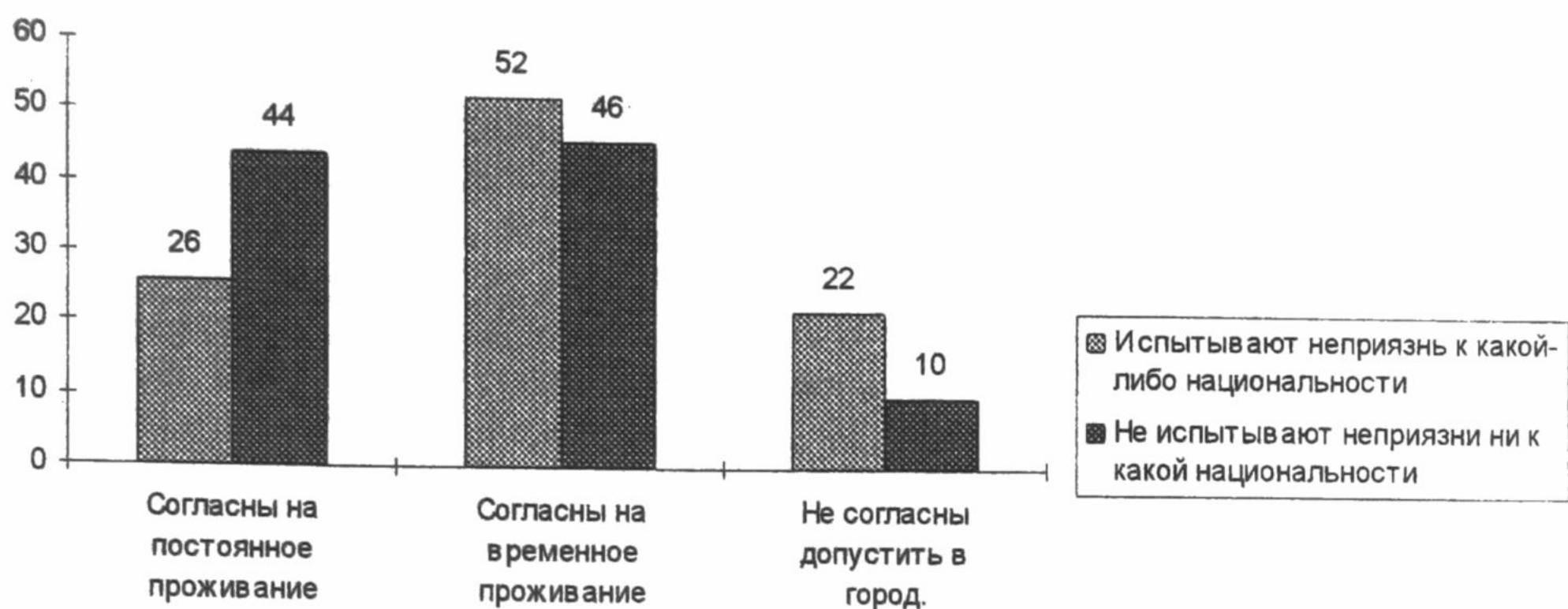

Рисунок 5. Позиция по отношению к переселенцам тех, кто резко отрицательно относится к отдельным национальностям, и тех, у кого нет каких-либо предубеждений (в %)

Личностные изоляционистские установки, как правило, сочетаются с установками на дискриминацию всех иных или же отдельных этногрупп, ограничение их доступа на высокостатусные позиции (см. позиции 4-6 табл. 3)

К счастью, лозунг "украинские вузы – только для украинцев" поддержали сравнительно немногие: среди украинцев – 13%, русских – 5%, иных национальностей – 3%. Согласие последних с данной идеей выглядит особенно парадоксальным, ибо это – добровольное согласие на ущемление общепринятых в мире прав человека на получение образования в стране своего проживания, независимо от расовой, национальной и т.д. принадлежности.

Более высокую поддержку (почти 1/3 представителей титульного этноса и каждый 10-й из других этногрупп) получило высказывание о том, что хозяйственное и политическое руководство в Украине должны осуществлять люди только основной национальности, т.е. украинцы. Можно, конечно, расценивать признание рациональности такой практики как основывающееся на аналогичном опыте некоторых государств мира. В соответствии же с нашим основным замыслом: определение степени поддержки идеи приоритетной роли украинской этнонации, готовности ее представителей претендовать на такой статус и, одновременно, готовности остальных поступиться своими правами, умерить свои притязания, мы можем фиксировать, что у определенной части населения нашего города соответствующие изменения в сознании произошли. Однако подавляющее большинство опрошенных во всех группах (от 68 до 78%) категорически не согласны с такой постановкой вопроса.

По общей совокупности ответов на все рассмотренные выше вопросы, которые в нашем исследовании выступали в качестве эмпирических референтов той или иной стратегии в области межнациональных отношений, мы можем сделать общий вывод о том, что стремление к интеграции, т.е. к тесным контактам с другими народами, уважение к их интересам и понимание необходимости их учитывать в разных областях общественной жизни, существенно преобладает, можно даже сказать – доминирует. Изоляционистская и дискриминационная стратегии поведения присущи примерно 1/5 части наших респондентов, при этом украинцам – в несколько большей степени. В сочетании с преобладанием недостаточно высокого уровня толерантности, присущего примерно в равной степени представителям всех исследуемых этногрупп, это тот симптом неблагополучия, который вряд ли следует игнорировать, прогнозируя возможные сценарии дальнейшего развития ситуации в анализируемой сфере жизнедеятельности украинского общества.

Таблиця 3.

Эмпирические референты различных стратегий в сфере национальных отношений (численность (в %) согласных, не согласных и не имеющих определенного мнения относительно мнения относительно приведенных суждений

СУЖДЕНИЯ	Согласны				Не согласны				Не имеют определенного мнения			
	По всему массиву	В том числе			По всему массиву	В том числе			По всему массиву	В том числе		
		укр.	рус.	др.		укр.	рус.	др.		укр.	рус.	др.
1. Многонациональный состав Украины - это постоянный источник сложных проблем	26	24	28	27	52	51	53	52	22	25	19	21
2. Работать (учиться лучше среди лиц своей национальности	16	19	14	13	68	65	69	70	16	16	17	16
3. Интересы моей национальной группы более важны, чем интересы других национальных групп	14	17	11	11	70	64	74	75	16	19	15	14
4. При подборе руководящих кадров надо учитывать национальную принадлежность.	16	18	16	11	72	68	75	76	12	14	10	10
5. Хозяйственное и политическое руководство в Украине должны осуществлять только украинцы	17	26	10	10	67	56	76	77	15	18	14	13
6. При приеме в вузе предпочтение должно оказываться прежде всего украинцам	8	13	5	3	86	77	93	92	6	9	2	5

Литература:

1. Якуба Е.А., Арбенина В.Л. Хрупкий мир межнациональных отношений // Украинский обозреватель. 1992, – № 6.
2. Арбенина В.Л., Сокурская Л.Г. Политика Украины в представлениях харьковчан, их политические ориентации (по материалам исследований 1991-94 гг.) // Харьковские социологические чтения – 94 – Харьков, 1994. – С.3-18.
3. Арбенина В.Л. Процесс актуализации этничности в восточных регионах Украины // Харьковские социологические чтения – 97. Ч II – Харьков: Основа, 1997. – С.249-258.
4. Хмелько В. Политические ориентации избирателей и итоги выборов в Верховный Совет (март-апрель 1994г.) // Украина сегодня. № 5 (апрель 1994г.), С.55-63.
5. Етнічний довідник. Ч. I Поняття та терміни – К., 1997, С.132.
6. Панина Н.В. Как мы относимся к другим нациям? // Украинский обозреватель, 1992, – № 1.
7. Бакиров В.С., Николаевский В.Н., Писаренко В.И., Правоторов В.А. Роль этнических групп в процессе интеграции новой Европы // Харьковские социологические чтения – 94. – Харьков, 1994, С.38-50.
8. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. – К. – Абрис – 1994, С.105-118.

СИСТЕМА СОЦІАЛЬНОГО ЗАХИСТУ НАСЕЛЕННЯ В УКРАЇНІ: ПРОБЛЕМИ ЕФЕКТИВНОСТІ

The article is devoted to social defense of population problems, analysis of its optimal model under circumstances of crisis situation in Ukraine.

On the basis of monitoring there is followed the level of efficiency of object social programs which direct on the social welfare of the most needed groups of population. There is offered recommendations to increasing social matter of state's politics.

Стаття присвячена проблемам соціального захисту населення, характеристиці оптимальної моделі за умов кризової ситуації в Україні.

На матеріалах моніторингового дослідження простежений рівень ефективності цільових соціальних програм, спрямованих на надання допомоги найбільш уразливим соціальним групам. Запропоновані рекомендації щодо підвищення соціальної спрямованості державної політики.

Ключові слова: соціальна політика, соціальний захист, соціальна ефективність, цільові соціальні програми.

Зміни, що відбуваються в українському суспільстві, мають глибинний характер, вони докорінно трансформують усі сфери громадського життя, насамперед саму його основу – соціальну структуру. Змінюються відносини власності та влади, перебудовується механізм соціальної стратифікації, розшарування населення. Різко змінюється система особистих та групових потреб, інтересів, характер та спрямованість поведінки, соціальних можливостей. У соціальній структурі з'являються нові прошарки, більшість з колишніх соціальних груп втрачає свої соціальні позиції, маргіналізується, розширюється “соціальне дно”, тобто швидко зростає кількість людей, що знаходяться за межами суспільства. Зміни в соціальній структурі супроводжуються глибокою поляризацією населення за рівнем доходів, матеріального добробуту, соціальних вимог та можливостей задоволення своїх потреб. Наслідком трансформаційних процесів слід вважати й те, що велика кількість людей опинилася фактично поза можливостями групової солідарності, їх важко ідентифікувати за типовими характеристиками з певними соціальними групами.

Така соціальна дезінтеграція відбивається на психологічному стані людей, що проявляється у різкому зростанні почуття тривоги, невпевненості у власних силах, соціальної нереалізованості, відчуття “зайвої людини”. Такі радикальні зміни соціального становища та самопочуття людини у суспільстві породили явища, що ставлять під загрозу фізичне та психічне здоров'я значної частини населення, саму можливість виживання представників цілого ряду соціальних груп. В цих умовах особливо гостро постає проблема масового поширення бідності, яка примітивізує життя людей, паралізує їх соціальну активність, зводить нанівець їх життєздатність. Внаслідок падіння економіки, що не піддається регулюванню, понад 80% населення України опинилися за межею бідності, а майже половина з них – у злиднях. До найбільш бідних прошарків населення відносяться, за попередніми оцінками, насамперед жінки з низьким рівнем освіти, пенсіонери, безробітні та багатодітні родини. В умовах перехідного періоду важко вижити інвалідам. Падіння життєвого рівня негативно впливає на родинні стосунки – зростає кількість розлучень та позашлюбних дітей. Суттєво погіршилася охорона здоров'я дітей та їх освіта.

Нове для нашого суспільства явище – високий рівень безробіття, масова зайнятість у неформальному секторі економіки – потягло за собою зміну соціальних потреб значної частини населення, різних соціальних груп.

Економічне реформування, що провадиться без необхідних запобіжних механізмів

Андрющенко Аліса Іллівна – кандидат філософських наук, доцент, завідувач кафедри соціології праці та управління Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна

підтримки населення, привело до обвального погіршення рівня соціальної захищеності людей, суттєвого зростання напруги в суспільстві, різкого посилення конфлікту між суспільством та державою, недовіри населення до будь-яких заходів, що запроваджуються владними структурами. Зайнятість значної частини населення у сфері тіньової економіки з її специфічними засобами соціального захисту приводить до втрати державною владою контролю над соціальними процесами, що відбуваються у суспільстві, накопичення катастрофічних змін, що ведуть до самознищення соціуму.

В таких умовах майже найгострішою проблемою стає наявність протиріччя між потребою суспільства у розгалуженій, гнучкій, науково обґрунтованій системі соціального захисту, допомоги та реабілітації населення, яка б забезпечувала соціальний рятунку, підтримку та відсутністю не тільки відпрацьованих механізмів досягнення цієї мети, а, навіть, самої концепції, тобто цілісного уявлення про відповідну систему соціального захисту перехідного періоду, що враховувала б національний менталітет.

В ситуації докорінної та швидкої зміни суспільних відносин державна система соціального захисту та страхування, яка створена за часів радянської влади, що була пристосована до вимог зовсім іншого типу суспільства – стабільного суспільства, виявила свою нездатність виконувати необхідні функції.

Програми соціального захисту, що діють зараз, єдиною цілісною системою назвати не можна. Вони являють собою поєднання старих, неефективних в нових умовах методів, заходів та форм з підходами та елементами системи соціального захисту населення, які запозичені з іноземного досвіду (наприклад, програма житлових субсидій).

Система, що існує, стикається з двома різноплановими проблемами: з одного боку, необхідністю подолати або зменшити бідність, а з другого, – одержати необхідні ресурси з держбюджету та альтернативних джерел на програми соціального захисту в умовах падіння валового національного доходу.

Всі ці специфічні особливості сучасного стану речей в Україні не дозволяють автоматично перенести заходи у сфері соціального захисту населення, які впроваджено в розвинених капіталістичних країнах, якими б ефективними вони не здавалися, адже останні розраховані на сталі, стабільні ринкові відносини.

У науковій літературі обговорюються два стратегічні підходи щодо організації захисту населення. Перший орієнтований на вирішення проблем життєзабезпечення громадян шляхом впровадження економічних стимулів, актуалізації економічних інтересів. Це передбачає стимулювання розвитку ринкових відносин, які базуються на забезпеченні свободи підприємництва, поширенні сфер застосування найманої праці, орієнтації на інвестування виробництва, нововведень, структурну перебудову господарства, розвиток приватного бізнесу, а також зміну психологічних стереотипів особистості, що має прояв у відродженні ділової активності та власної ініціативи. Реалізація такої концепції спрямована на якісне перетворення соціальної структури, формування середнього класу, виникнення інститутів та організацій, що сприятимуть пристосуванню до ринкових відносин найменш захищеної частини населення.

Другий підхід спрямований на вирішення поточних соціально-економічних проблем шляхом реалізації різних форм соціальної допомоги та гарантії мінімального споживчого рівня, що дозволить в деякій мірі стримувати падіння добробуту населення. Цей стратегічний напрямок може тимчасово поліпшити становище в дуже незначній мірі, бо дає короточасні результати зниження соціальної напруги в суспільстві, але не сприяє підвищенню життєвих стандартів.

На нашу думку, ні перший, ні другий шлях не дає змоги кардинального вирішення проблеми. Система соціального захисту повинна поєднувати три найважливіших напрямки соціальної політики держави, які в сукупності зможуть забезпечити не тільки фізичне виживання населення, а й підтримати певний стандарт життєвого рівня в умовах соціально-економічної трансформації суспільства. По-перше, це програми соціальної допомоги, порятунку, що гарантують громадянам, які опинилися за межею бідності і неспроможні в

спільну різних причин забезпечити собі життєвий мінімум, можливість психофізичного виживання в кризових соціально-економічних умовах; по-друге, це програми соціального забезпечення, що спрямовані на підтримання доходів, які гарантують певний рівень життя (попередження чинників, що призводять до втрати регулярних доходів, надання допомоги в разі втрати джерел постійних доходів, компенсація додаткових витрат тощо); по-третє, підтримка потенціалу соціально-економічної активності конкретних груп населення.

В межах реалізації цієї концепції необхідна зміна соціальних ролей та функцій держави. З одного боку, вона повинна створювати умови для того, щоб громадяни були спроможні власними зусиллями вирішувати більшість соціальних проблем. З другого, надавати певну допомогу громадянам та їх родинам, якщо вони не можуть власними зусиллями, внаслідок різних чинників (хвороби, інвалідності, похилого віку тощо), підтримувати необхідний мінімальний життєвий рівень.

Реалізація такого підходу вимагає також суттєвих змін у громадській свідомості. Насамперед, необхідний відхід від патерналістських очікувань з боку держави того, що вона вирішить за нас всі наші проблеми; люди повинні зрозуміти, що доля кожного з них залежить від їх ділової активності, вміння пристосовуватися до нових соціальних реалій, розраховувати на власні сили.

Зміна пріоритетів, системи цінностей дуже складний та болісний процес, адже руйнується звичний світогляд особистості, який наполегливо формувався на протязі 70-річної історії створення "нової радянської людини". Незважаючи на швидку зміну оточуючого середовища, більшість населення за своєю свідомістю залишається "совковою людиною". В той же час, неодноразово за роки перебудови обдурені в своїх кращих надіях, люди втратили віру у конструктивні наміри владних структур. Всі ці особливості суб'єктивного характеру неможливо не враховувати при створенні системи соціального захисту, відпрацюванні механізмів її функціонування.

Ми вважаємо, що теоретична концепція та політика, тобто соціальна практика, реінституціоналізації системи соціального захисту повинна базуватися на науково обґрунтованій, кваліфікованій оцінці реально існуючої соціальної структури населення, об'єктивній інформації про стан та зміни суттєвих характеристик соціальної сфери суспільства. Неможливо запропонувати ефективну соціальну політику, в тому числі систему соціального захисту населення, без чіткого уявлення про соціально-економічні характеристики різних груп та прошарків, рівень їх добробуту, статусні позиції, потреби та очікування допомоги з боку держави в тих чи інших конкретних формах, стан задоволеності ними. Поглиблення соціальної орієнтованості ринкових реформ, підвищення ефективності соціальних заходів неможливе без наявності достовірної соціальної інформації, без зворотнього зв'язку, знання оцінки та рівня задоволеності соціальною політикою держави з боку населення.

Моніторингові дослідження, проведені різними соціологічними центрами, зокрема, кафедрою соціології праці та управління соціологічного факультету Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна, протягом останнього десятиріччя [2, с.15] свідчать, що сучасне українське суспільство є простір з множинними неусталеними соціальними утвореннями, відсутністю інституційних зв'язків і каналів мобільності. Послаблене або втрачене почуття класу в період трансформації стимулювало значне посилення статусних ідентифікацій. Якщо в стратифікації радянського суспільства вирішальну роль грав політичний фактор, який визначав місце суспільних груп в партійно-державній ієрархії, то сьогодні на провідну роль висунувся так званий "економіко-політичний фактор", тобто місце суспільних груп в управлінні економікою, в приватизації суспільної власності, перерозподілі суспільного продукту, і – пов'язаний з цим рівень особистих доходів та споживання. Економіко-політичний фактор різко поляризував суспільство на вищі прошарки за соціальним статусом і можливостями та всі останні прошарки й соціально-класові утворення. За останні 10 років кількість людей, які займають нижчі прошарки суспільної ієрархії, підвищилась з 6% до 71%. Доля середніх прошарків знизилась з 75% до 28% [2, с.16].

За місцем та роллю у трансформаційних процесах, соціальними позиціями та статусом

у соціальній структурі ми виділили групи "ризик", що знаходяться у невизначеному соціальному стані, життєва активність яких без певних заходів соціальної підтримки зійде нанівець. та групи "жертв" соціальних змін, які не здатні самотійно адаптуватися до нових умов.

Фактично ми можемо говорити про падіння, зниження соціального статусу майже у 89% населення. За останні роки найбільше зниження соціального статусу відчули жінки – 74,3% віднесли себе до нижчих прошарків суспільства, люди похилого віку, з низьким рівнем освіти, мешканці середніх та малих міст.

До "нижчих" прошарків – 71% респондентів – відносяться ті, хто знаходиться біля межі бідності або за нею. Вони мають середню (33,9%) або середню спеціальну (27,6%) освіту. Серед них значну частину складають пенсіонери (38,1%), особи, що не працюють. Переважна більшість працюючих, що відноситься до цього прошарку (68,8%), зайняті в державному секторі (підприємствах, установах), причому 75,5% з них мають неповну зайнятість, або знаходяться у примусовій відпустці з вини адміністрації. Це перш за все робітники різних категорій, а також значною мірою службовці без спеціальної освіти (приблизно 20% цього прошарку).

Примітно, що до нижчих прошарків суспільства сьогодні відносять себе 58,5% фахівців та службовців зі спеціальною освітою. Їх чисельність у складі "нижчих прошарків" складає понад 16%.

Новим для нас феноменом є поява соціальної групи дрібних підприємств, 60,5% яких також відносять себе до нижчих прошарків суспільства.

Для представників цього прошарку характерні настрої тривоги, обурення та гніву, що свідчить про досить високий рівень соціальної напруги.

Середні прошарки (що складають 28% від усього масиву опитаних), за своїм матеріальним становищем наближаються до нижчих прошарків, вони суттєво дистанційовані від груп "вищого класу". Представники середнього прошарку мають переважно вищу (54,5%), а також середню спеціальну освіту (26,1%). Порівняно з нижчими прошарками, в цій групі помітно збільшилась чисельність тих, що мають повну зайнятість або працюють не в державному секторі. Для них типова активна життєва позиція. У складних життєвих ситуаціях вони розраховують перш за все на себе, свої можливості.

Однак, слід зазначити, що соціальний стан середніх прошарків вкрай нестійкий. Про це свідчать настрої, характерні для представників – тривога, невпевненість у завтрашньому дні, нестабільність доходів, загроза безробіття. Активність цих прошарків проявляється перш за все в економічній, менш в культурній й зовсім в незначній мірі в політичній сфері.

Чинниками занепокоєння середніх прошарків виступають ті ж фактори, що й у нижчих, це свідчить про об'єктивну схожість їх соціального стану, характерною рисою якого є низький рівень задоволення базових потреб (можливості збереження здоров'я (52,9%) поліпшення матеріального становища (49%), доля дітей (38%) тощо).

Ця інформація свідчить про те, що якщо "групи-жертви" трансформаційних процесів зосереджені у нижчих прошарках суспільства, то "групи ризику" знаходяться як в нижчих, так і в середніх прошарках. Саме тому середні прошарки, як і нижчі, потребують спеціальних механізмів соціальної підтримки з боку держави.

Характеристики вищих прошарків в цьому дослідженні не розглядаються, оскільки вони не є предметом дослідження, а також через нерепрезентативне представництво даної групи.

Як вже відмічалось в попередньому розділі, "групи-жертви" зосереджені у нижчих прошарках суспільства. Обсяг цієї групи – більш 15% опитаного населення. Використання ітераційного методу аналізу дозволило уточнити деякі важливі характеристики їх представників.

Істотним об'єктивним фактором, що зумовлює належність до даної групи, є вік. В групі "жертв" опинилося більш чверті опитаних представників старшої вікової категорії (ті, яким за 60 років), кожний 6-7 представник 50-літніх.

Привертає увагу вагома присутність в даній групі представників середніх і молодших вікових категорій. Цей факт мусить бути врахований при розробці програм соціального захисту. Слід зауважити, що група “жертв” має “жіноче обличчя” (жінки складають більше 64% її представників).

Разом з тим в групі “жертв” опинилась значна частка респондентів з високим рівнем освіти, спеціальною професійною підготовкою (49% від чисельності групи). Це ті “зайві люди”, чий професійний досвід, знання, кваліфікація опинилися в теперішній час незатребуваними суспільством. Переважна частина їх претендує на істотне підвищення свого статусу, в суспільстві на гарантоване робоче місце за раніш придбаною спеціальністю. Хоч в цій групі домінують інваліди, які складають 57,7% від загальної її чисельності, в ній представлені більш-менш широко інші соціально-демографічні та соціально-професійні групи. Так, чисельність некваліфікованих робітників складає 38,9%, непрацюючих працездатного віку, в тому числі і безробітних – 34%, пенсіонерів – 25,7%, кваліфікованих працівників – 16,9%, дрібних підприємців, зайнятих індивідуальною трудовою діяльністю – 15,4%. Декілька менше представлені службовці із спеціальною освітою – 12,8%, спеціалісти – 11,5%, службовців без спеціальної освіти – 7,7%.

Як основні джерела доходу респонденти назвали перш за все пенсії (49,7%), домашнє підсобнє господарство, а також роботу на державному підприємстві (18,9%).

Серед тих, хто працює, 47,5% зайняті неповний робочий тиждень, а більш 17% знаходяться в вимушеній відпустці з провини адміністрації. Приховане “повзуче” безробіття характерне для даної категорії.

Працездатні працівники цієї групи є неконкурентноздатними в нових економічних умовах. Про це свідчать дані про зайнятість на підприємництвах різних форм власності. Так, серед респондентів домінують зайняті на державних підприємствах традиційних галузей промисловості і проектно-дослідницьких установ (53,8%). В недержавному секторі респонденти цієї групи фактично не представлені. Серед безробітних представників “групи жертв” домінують фонди безробіття. 86,2% безробітних респондентів не працюють вже більше року. Основними причинами складності працевлаштування виступають:

- вік (17,2%);
- відсутність місця роботи за спеціальністю (17,1%);
- відсутність робочих місць в районі проживання (13,8%);
- стан здоров'я (13,8%);
- дуже низька оплата роботи, що пропонується (10,3%).

Не дивлячись на тяжке матеріальне становище тільки 18,1% представників цієї групи зверталися за соціальною допомогою. Причинами такого становлення є бюрократизм, складність в одержанні інформації про порядок надання допомоги (на це вказали 28% респондентів цієї групи). Перешкоджає використанню права на допомогу поганий стан здоров'я, відсутність сил та часу на оформлення необхідних документів (16%).

Рейтинг організацій, в які звертаються представники цієї групи за соціальною допомогою, характеризується таким чином: до місцевої влади звертається 39,5% опитаних, у профспілки – 19,6%, до адміністрації підприємств – 21,1%, у громадські фонди – 17,5%.

Зовсім інакше розподіляється рейтинг організацій за ефективністю одержання соціальної допомоги. Серед тих, хто звертався за соціальною допомогою, 60% одержали її у профспілкових організаціях, 50% – у громадських фондах, 23,5% – у місцевої влади, 12,5% – у адміністрації підприємств. Таким чином, соціальну допомогу у більшій мірі населення одержує в громадських, а не державних інститутах. Саме в громадських організаціях знедоленим легше отримати реальну соціальну допомогу. Разом з тим, слід відмітити, що існуючими видами допомоги користується лише незначна частина тих, кому вона вкрай потрібна.

Для даної групи характерне психологічне напруження, загальний фон настрою – страх, відчай (на це вказали 33,8% представників групи), тривога, обурення (52,2%). Факторами такого стану виступають не тільки серйозні матеріальні труднощі сьогодні,

стан здоров'я та невпевненість у завтрашньому дні, але й різке падіння соціального статусу за короткий період часу. Якщо зараз представники групи визначають себе виключно на самих низьких (1 і 2 з 9-ти бальної шкали ієрархії) соціальних сходах, то 10 років тому більша кількість представників групи зосереджувалася на середніх сходах ієрархії (3-6 позиції шкали).

До того ж самотійно зупинити процес погіршення свого життя, його якість представники даної групи, в цілому, невзможі. Тільки за минулий рік 81% представників "групи-жертв" відмітили значне погіршення життя, ніхто з них не відмітив будь-яких змін на краще.

Ситуація, що сталася, вимагає створення на будь-якому рівні – національному, регіональному, місцевому спеціальної мережі соціального рятунку (подібні заходи були здійснені урядами Чехії, Польщі в періоди активного економічного реформування), здатної підтримати фізичне, психічне та соціальне здоров'я більш, чим 15% населення. Така мережа здатна гарантувати можливість психофізичного виживання людей у кризових соціально-економічних умовах.

Майже рівномірний розподіл представників різних вікових груп серед одержувачів соціальної допомоги непокоїть, адже свідчить про вразливість не тільки представників старшого віку, але й молодого та середнього. Але сьогодні реальність така, що працездатні особи внаслідок економічної кризи звертаються за допомогою, причому серед них переважають зайняті на державних (69,6% відповідей) та акціонерних підприємствах (26,1%), дві третини з них зайняті повний робочий тиждень, але це не вирішує проблем їх матеріального добробуту внаслідок низького рівня винагороди за працю, який часто не досягає прожиткового мінімуму, до того ж не завжди своєчасно сплачується.

За соціальною підтримкою працездатні респонденти звертаються, коли в них ще є деяка надія на одержання заробітної плати за основним місцем роботи, із збільшенням терміну затримки трудової винагороди зростає соціальна пасивність. Найбільша питома вага серед тих, хто звертається за підтримкою, серед групи працівників, яким не сплачується заробітна плата близько трьох місяців; кожний двадцятий шукає підтримки при затримці трудової винагороди від трьох до шести місяців, а потім люди втрачають надію: серед тих, хто не отримував заробіток від шести місяців до року і більше року сподіваються на зовнішню підтримку від організацій лише по 4% респондентів.

Загалом динаміка змін в житті тих, хто чекає допомоги від організацій, невтішна: у 71% опитаних життя стало гірше, у 14% – дещо погіршалося, у 14% – змін за останній рік не відбулося і тільки 1,1% відчували деяке поліпшення свого становища.

При отриманні соціальної допомоги респонденти стикаються з низкою труднощів, найпоширенішими серед яких є бюрократизм, неефективне інформаційне забезпечення, черги, байдужість або ж навіть грубість соціальних працівників.

Подолання бюрократизму має стати одним з основних завдань в процесі удосконалення соціальної роботи, адже його прояви є в діяльності всіх організацій, які вивчалися, роботу яких оцінювали опитані. Недосконале також інформаційне забезпечення соціальних служб, люди недостатньо поінформовані про види соціальної підтримки, про можливості, які мають ті чи інші організації. Неефективна організація роботи різних служб, фондів, органів спричиняє черги при оформленні соціальної допомоги.

Та найбільш непокоїть професійна непридатність частини соціальних працівників, адже співчуття, доброзичливість повинні бути невід'ємними їх професійними якостями, між тим від 11 до 14% опитаних вказали на байдужість, грубість соціальних працівників.

Тип поселення і пов'язані з цим особливості соціальних взаємодій між людьми накладає відбиток на соціальну роботу організацій. Наприклад, в сільській місцевості менш поширені черги, практично не вказують респонденти на грубість та байдужість сільських соціальних працівників.

Респонденти відмітили низьку ефективність роботи організацій по наданню соціальної підтримки. Так, у профспілках реальну допомогу змогли отримати, хоча і з великими

труднощами, тільки 37% опитаних, в місцевих органах влади та управління – 54,5%, у адміністрацій підприємств та установ – 29,2%.

Удосконаленню соціальної роботи може сприяти подальша організаційна перебудова, спеціалізація різних організацій по наданню допомоги конкретним групам населення. Доцільно також підтримувати раціональне співвідношення соціальної допомоги працездатному і непрацездатному населенню, мешканцям різних типів поселень (поки що в кращому становищі знаходяться мешканці міст). Слід регулярно проводити моніторингові дослідження громадської думки з метою вивчення динаміки потреб, настроїв, матеріального становища різних прошарків населення з метою посилення цілеспрямованості соціальних програм.

Література:

1. Заславская Т.И. Социальная структура современного Российского общества // Общественные науки, №3, 1997.
2. Звіт кафедри соціології праці та управління Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна з науково-дослідної теми "Система соціального захисту населення в Україні: концептуальні засади його створення". Харків, 1999.
3. Изменение социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации / Е.А.Якуба, О.Д.Куценко, Л.М.Хижняк и др. – Х.:Основа, 1997, С.91-92.
4. Витренко Н.М. Социальная сфера Украины: оценка уровня развития. – К.:Наукова думка, 1993.
5. Ганслі Теренс М. Соціальна політика та соціальне забезпечення за ринкової економіки. – К.:Основи, 1996.

ЦЕННОСТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КЛАССИФИКАЦИИ МЕТОДИК СНЯТИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

The article is devoted to analysis and systematization of techniques of conflict-extreme situations removal. Classification criteria for construction typological rows of techniques are suggested. Main elements are accentuated in techniques and technologies of conflict removal. Main elements combinatorics permit to operationalize searching of indestructible strategy of conflict resolution. The importance of techniques value classifier is grounded in the article, as integrate factor at formulation of multidimensional classification of techniques of conflict situations removal.

Статтю присвячено аналізу та систематизації методик зняття конфліктно-екстремальних ситуацій. Запропоновано класифікаційні ознаки для побудови типологічних рядів методик. В методиках і технологіях вирішення конфліктів виділено основні елементи, комбінаторика яких дозволяє операціоналізувати пошук неруйнівної стратегії виходу з конфлікту. У статті обґрунтовано значення ціннісного класифікатора методик як інтегруючого при розробці багатовимірної класифікації методик знімання конфліктних ситуацій.

Ключевые слова: конфликтно-экстремальные ситуации, методики снятия конфликта, ценностные параметры классификации, неразрушительная стратегия.

Оперативность выбора оптимальной методики разрешения конфликта в экстремальной ситуации требует определения критериев выбора методики, которые, с одной стороны, будут учитывать фактор ситуативности, а с другой стороны будут соотноситься с гармоничной системой ценностей. Как решить эту проблему? Какое значение при этом имеет построение типологических рядов и классификационных схем?

В поле нашего рассмотрения оказываются самые разнообразные поведенческие сценарии, стратегические рекомендации, психологические тренинги, социальные технологии и пр. Заметим, что методику снятия конфликта мы рассматриваем как совокупность и последовательность действий, предпринимаемых шагов, позволяющих воздействовать на ситуацию конфликта или потенциального конфликта, выступающих в качестве инструмента его урегулирования или разрешения. При этом важно анализировать методики снятия конфликта с точки зрения возможностей воздействия на него и гармонизации межлических отношений. В таком случае, например, переговоры в методике В.Мастенбрука [1] или в методике Л.Мундуэйт., П.Лукуэ [2] выступают не сами по себе (сам переговорный процесс не есть "конфликтная методика"), а как элемент стратегии урегулирования конфликта в системе организационных отношений, а ситуационные рекомендации Д.Карнеги [3] рассматриваются не с точки зрения достижения успехов в бизнесе или в семейных отношениях, а как определенная тактика, способствующая предотвращению конфликтов.

Основными проблемами является разграничение методик и их систематизация – с одной стороны, и выбор оптимальной методики – с другой. Эти две проблемы тесно взаимосвязаны. Варианты реагирования на конфликт отличаются многоплановостью и разнообразием форм проявления. Все многообразие методик невозможно охватить, не выделив определенные типы. Анализ методик и разбивка их на группы может осуществляться по следующим критериям: по авторам, по ключевым проблемам, по сфере применения, по целевой ориентации, по доминанте механизма воздействия, по последствиям воздействия и т.п. При этом важным социологическим критерием оценки выступают возможности

Даниленко Оксана Акимовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии Харьковского гуманитарного института "Народная Украинская академия"

использования методики как составляющей части социологической стратегии гармонизации межчеловеческих отношений, предполагающей социологическое исследование и разрешение конфликта с учетом его включенности в социокультурный контекст.

При анализе и сопоставлении различных методик можно заметить, что одни методики ориентированы в большей степени на рационализацию стратегии, что связано с планированием, просчетом вариантов и т.п. (например, опережающее планирование Дж.Р.Паркинсона [4] или математическое моделирование ситуации Дж.фон Неймана и О.Моргенштерна [5]), другие же, наряду с рациональными навыками определения оптимальной стратегии включают нерациональные (интуитивные, эмоциональные и пр.) элементы (например, рационально-интуитивная модель Дж.Г.Скот [6]). Кроме того, соотношение “рационального” и “нерационального” в методике определяется тем, каким факторам конфликта уделяется внимание в первую очередь, и какие используются механизмы воздействия на ситуацию.

Нерациональный подход предполагает учет экзистенциальной сущности межчеловеческих отношений. Заметим, что чем сильнее выражен ценностный аспект, тем менее рационализирована методика. Кроме того, перемещаясь по шкале “рациональность-нерациональность” можно заметить, что при приближении к “нерациональному” все более доминирует понятие “гармония”, а при все большей рационализации акценты смещаются к понятию “конфликт”.

Учитывая все большую иррационализацию социальной действительности важно определить, как включены ценностные механизмы воздействия в методики снятия конфликтов.

Не все методики учитывают влияние ценностей на освоение навыков поведения в конфликте и их роль в выборе такой стратегии поведения, которая способствует гармонизации межчеловеческого общения. Например, подход Р.Фишера и У.Юри [7] фиксирует ориентацию методик совсем в ином аспекте. Основное средство решения любого вопроса, рассматриваемое авторами – это переговоры. Ключевым понятием являются “интересы”, соответственно, цель переговоров – взаимовыгодное соглашение, учитывающее взаимные интересы. Авторы рассматривают прежде всего стратегическую ориентацию методик, которая тем или иным образом влияет на выбор стратегической линии ведения переговоров в соответствии с определенными принципами (мягкий, жесткий и принципиальный подход).

Стратегические ориентации определенным образом связаны с иерархией ценностей, и хотя Р.Фишер и У.Юри строят свою стратегию, апеллируя прежде всего к интересам, мы можем выявить ценностный подтекст их подхода. Если в иерархии ценностей более важным оказывается сохранение отношений, чем решение определенного вопроса в свою пользу или чем самоутверждение, то участник конфликта предпочитает мягкий подход, если важнее проявление личностных амбиций, самоутверждение путем подавления противника или решение вопроса любыми средствами, то доминирует жесткий подход, если важнее оказывается само решение проблемы – то участник конфликта скорее всего будет придерживаться принципиального подхода. Если это так, то предпочтительность тех или иных стратегических принципов может служить индикатором измерения не только доминирующей стратегии субъектов конфликта, но и ценностных ориентаций участников конфликта.

Важным аспектом методики Р.Фишера и У.Юри является то, что при выборе стратегии поведения предполагается соотнесение возможных преимуществ и потерь в результате определенных шагов. Р.Фишер и У.Юри приводят в качестве примера возможный выбор студенческого лидера при поиске ответа на вопрос “Должен ли я настаивать на немедленном освобождении американских заложников?” как взвешивания “+” и “-” в результате утвердительного или отрицательного ответа на этот вопрос [7, с.60]. Применение этой методики позволяет учитывать соотношение “средств” и “целей” в стратегических ориентациях.

Для формирования гармоничной стратегии недостаточно только включенности ценностей в механизм воздействия методики, вопрос еще в том, какие ценности лежат в ее основе. Две полярных методики, как по механизму ценностного воздействия, так и по характеру заложенных в них ценностей представляют собой подходы Э.Шострома и

Д. Карнеги.

Методика Д. Карнеги ориентирована на сглаживание “острых углов”, избегание и гашение конфликтов и проявлений негативных эмоций, она отражает мягкий подход во взаимоотношениях и манипулятивный подход в решении вопросов (быть замеченным, понравиться, а затем воздействовать на собеседника в своих интересах).

Методика Э. Шострома [8] предполагает важность самовыражения, поиска взаимопонимания через искреннее общение, проявление искренних чувств, эмоций, открытое обсуждение проблем. Методика Э. Шострома антиманипулятивна. Одно из ее основных положений – избежать конфликтов невозможно и не нужно пытаться искусственно их избегать – конфликты нужно использовать для решения проблем и оптимизации общения. Однако сфера применения этой методики достаточно ограничена, причем ограничения исходят именно из экзистенциальных характеристик межлического общения. Многие люди, постоянно руководствуясь определенными жестко заданными поведенческими стереотипами (рассчитывая на определенную реакцию) и выполняя определенные роли, не проявляя в них своей личностной сущности, “самости”, уникальности своего мировосприятия, постепенно вообще утрачивают возможность открыто и искренне общаться: как проявлять открытость со своей стороны, так и воспринимать искреннее выражение эмоций и размышлений другого. Так например, авторитарное мышление, годами, десятилетиями вырабатываемая привычка доминировать, подавлять, самомнение и самовлюбленность, гордыня и эгоизм – все это делает человека неспособным к нормальному общению, предполагающему взаимообогащение духовное, взаимопроникновение и взаимопонимание; равно как и обратная сторона авторитарного мышления – привычка подчиняться, боязнь иметь свое мнение, приводит к страху, лицемерию и различным уродливым формам конформизма и никогда не может стать основой гармоничных взаимоотношений.

Методики Д. Карнеги и Э. Шострома отражают две основные ориентации в практической конфликтологии: ценности успеха и признания с одной стороны и гуманистические ценности творчества и саморазвития с другой и, соответственно, – различные модели поведения в конфликте. При этом сопутствующие факторы и вторичные признаки конфликта, характерные для каждой из этих методик могут выступать как параметры оценки методик, так как именно они наиболее ярко фиксируют проявление заложенных в них ценностей и ценностных ориентаций.

Существует множество критериев, по которым могут быть выделены группы методик и построены их типологические ряды. Но разнообразие не ведет к системности без единого объединяющего параметра, который бы упорядочил множество различных подходов к анализу и выбору методик. Возможность формирования из разрозненных методик системы гибкоадаптируемых методов и методик мы видим через последовательную реализацию ценностного подхода, так как именно ценности являются наиболее устойчивым фактором поведенческих реакций в экстремальной ситуации: когда ослабевает или даже нивелируется влияние других факторов, процесс конфликта становится все более неуправляемым и нерационализируемым, ценностный фактор в выборе и формировании стратегии не утрачивает своей роли, а становится определяющим и доминирующим.

Для систематизации методик снятия конфликта и их оптимального выбора мы разработали и предлагаем использовать следующую “двумерную” классификацию. По вертикали – различные уровни социального взаимодействия (микро-, макро-, мегауровень и конфликты, отраженные в сознании), по горизонтали – параметры оценки: методик, как средства достижения цели (например, ценностные ориентации, лежащие в основе методики, механизм воздействия, цель воздействия и пр.); оценка самого конфликта и его особенностей, влияющих на выбор методики (направленность конфликта, предполагаемые последствия конфликта, состояние, причины и пр.); оценка объективных и ситуационных факторов и условий (количество участников, положение участников по отношению к ситуации и пр.). Все это позволяет систематизировать различные типологические ряды методик через параметры оценки. Интегрирующими классифицирующими признаками при этом являются ценностные параметры

класифікації.

В чем преимущества такого подхода? Во-первых, данная двумерная классификация позволяет проследить степень выраженности ценностного аспекта в различных методиках и выявить оптимальные для экстремальной ситуации методики с учетом аксиологического аспекта: соотнося определенное решение с его последствиями, с социокультурными факторами, а также выявляя конкретные условия, которые благоприятствуют или препятствуют продвижению от конфликта к гармонии. Во-вторых, такая классификация дает возможность ситуационного выбора и конструирования гибких методик по заданным параметрам с выбором наиболее подходящих техник и оптимальной комбинаторики ключевых элементов методик. В-третьих, объединение различных типологических рядов по ценностному критерию решает проблему перехода от бессистемности множественных классификаций к единой системе параметрических оценок, от разрозненности методик к их взаимосвязи и взаимодополняемости в гибкоадаптируемой системе методов и методик.

Кроме того, составление различных типологических рядов и классификационных схем позволяет: 1) охватить все многообразие через определенный тип; 2) выявить взаимосвязи между методиками, степень общего и уникального; 3) определить наиболее яркие грани, характеризующие ту или иную методику, связь с общими типами через выявление наиболее общих характерологических признаков; 4) систематизировать методики, что облегчает выбор оптимальной; 5) проследить движение от более частного к более общему и наоборот.

Взаимовключенность различных методик, их пересечение и взаимосвязь заставляют говорить о целесообразности поиска наиболее простых элементов методик, составляющих их общность и разнообразие. Различные варианты комбинаторики тех или иных элементов и будут составлять гибкоадаптируемую систему методик, а подбор элементов будет определяться в зависимости от ситуативных факторов.

На основе анализа массива различных методик можно выделить следующие основные элементы, комбинаторика которых позволяет операционализировать поиск неразрушительной стратегии: 1) диалогика (различные формы ведения переговоров); 2) оптимизация восприятия ситуации (преодоление стрессовых состояний, блокирование негативного цикла и пр.); 3) оптимизация поведенческих реакций; 4) управление внешними факторами (создание благоприятной обстановки, смягчение последствий конфликта и пр.); 5) изменение ситуации (снятие основания конфликта, разнесение конфликтующих сторон и пр.) В каждом из обозначенных нами элементов по-разному проявляется ценностный аспект. Так например, в методиках ведения переговоров ценности выступают как ключ к выработке взаимовыгодного соглашения: поиск общих ценностей для достижения согласия, а также определение приоритетов значимости преследуемых в конфликте целей. При оптимизации поведенческих реакций ценностный аспект проявляется прежде всего в снятии ценностной акцентуации, а также в преодолении барьеров ценностной интерпретации.

В ситуации экстремальной нерациональные факторы, нравственный выбор и система ценностных предпочтений играет ведущую роль в выборе стратегии поведения, поэтому включенность ценностей в методики снятия конфликтно-экстремальных ситуаций и оценка ситуации и методики как средства воздействия на ситуацию – необходимое условие при поиске неразрушительных путей выхода из конфликтно-экстремальных ситуаций, причем не только на уровне межличностных взаимоотношений, но и на всех уровнях социального взаимодействия. Это подтверждает анализ реальных социальных конфликтов в соотношении с методиками их урегулирования.

Ценностный подход к классификации является предпочтительным при выборе методики в экстремальной ситуации, так как в экстремальной ситуации именно обращение к ценностям выживания является основой выбора и формирования оптимальной стратегии, решения же “внеценностные” приводят к необратимым разрушительным последствиям.

Разграничение различных уровней социального взаимодействия, выделение систем и подсистем и определение “системы отсчета” является исходным элементом не только методологического осмысления конфликтно-экстремальных ситуаций, но и построения системы

гибкоадаптируемых методов и методик и их ситуационного подбора через оценку ситуации и определение границ применения методики.

Обращение к гармоничной шкале ценностей, соотношение стратегии выхода из конфликта и ее последствий с общим социокультурным контекстом способствует формированию оптимальной стратегии выживания и является основой ее операционализации на уровне методов и методик.

Литература:

1. Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации: Пер. с англ. – М.: Инфра-М, 1996. – 256с.
2. Мундуэйт Л., Лукуэ П. Стили конфликтного поведения в процессе переговоров // Социал. конфликт. – 1999. – №1. – С.75–86.
3. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 720с.
4. Паркинсон Дж.Р. Люди сделают так, как захотите вы. – Пер. с англ. – М.: Новости, 1993. – 160с.
5. Нейман Дж. фон Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение: Пер. с англ. / Под ред. и с доб. Н.Н.Воробьева. – М.: Наука, 1970. – 707с.
6. Скот Дж.Г. Конфликты, пути их преодоления: Пер. с англ. – К.: Внешторгиздат, 1991. – 191с.
7. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения: Пер. с англ. – М.: Наука, 1990. – 158с.
8. Шостром Э. Анти-Карнеги или Человек-манипулятор: Пер. с англ. – М.: “Дубль-В”, 1994. – 128с.